САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

14-го февраля 1873.

Исторической наукѣ принадлежитъ великая заслуга строгаго доказательства той истины, что основныя черты исторіи были, такъ сказать, начертаны на скрижаляхъ ея уже въ то время, когда скрижали эти оставались открытыми для внесенія въ нихъ частныхъ подробностей. Этотъ законъ исторической необходимости и логической послѣдовательности крупныхъ явленій проявляется наиболѣе замѣтнымъ образомъ на фактѣ распредѣленія современной суши между отдѣльными племенами. Изъ этихъ племенъ, въ настоящее время, напрашиваются, такъ сказать, на общественное вниманіе два племени: славянское и англосаксонское, и ихъ взаимныя отношенія не въ Европѣ, гдѣ они достаточно обозначились, а въ Азіи, гдѣ они только-что нарождаются. Говоря гутъ и должны встрѣтиться на азіатскомъ материкѣ Россія и Англія?

Русскіе появились за Уральскимъ Хребтомъ въ концѣ XVI-го столѣтія. Скоро, въ 1879 году, минетъ три вѣка, какъ именитые люди Строгоновы пригласили казачьяго атамана Ермака Тимоѳеева перешагнуть завѣтный «Камень» и принести вѣсть объ обширной сибирской землѣ. Въ то, сравнительно, недалекое отъ насъ время, Сѣверная Азія представляла одну необъятную лѣсную и болотистую пустыню, по которой были расѣяны малочисленныя, разноязычныя племена. Остяки, самоѣды, тунгузы,—якуты, юкагиры, чукчи, коряки, камчадалы и пр. скитались по обширнымъ и печальнымъ тайгамъ и тундрамъ, большею частью не зная ничего другъ о другѣ, безсильные сами по себѣ выйти изъ дикаго состоянія. Первые походы казаковъ вызвали ихъ къ исторической жизни, спасли отъ забвенія. Кто бы зналъ объ этихъ злополучныхъ пасынкахъ природы и человѣчества, еслибъ русскіе, пройдя въ 80 лѣтъ всю Сибирь, отъ Урала до Тихаго Океана, не слили ихъ въ политическое цѣлое подъ эгидой одного изъ членовъ міродержавной арійской семьи?

Движеніе наше на востокъ шло быстро, и, конечно, двигателемъ его, на первое время, являлось не общенародное сознаніе большихъ историческихъ цѣлей, а простая жажда добычи и воинской славы. Въ 1584 году, при смерти Ермака и Іоанна Грознаго, мы занимали лишь нынѣшніе уѣзды Верхотурскій, Туринскій, Тобольскій да часть Тюменьскаго. Но уже къ началу XVII столѣтія эти предѣлы расширились до озера Чаповъ, устьевъ Томи и Таза. Такимъ образомъ, значительная часть запада сибирской равнины, столь много напоминающей сѣверъ европейскаго отечества нашего, была покорена въ какія-нибудь 20 лѣтъ, и русскіе пришельцы столь прочно утвердились въ ней, столь единогласно были признаны за правомощныхъ повелителей страны, что изъ

туземцовъ многіе добивались, какъ особой чести, стать на ряду съ завоевателями и подъ русскимъ знаменемъ продолжать дѣло распространенія высшихъ формъ жизни далѣе на востокъ.

Первые два десятилѣтія XVII вѣка были, какъ извѣстно, годинами испытанія крѣпости русской земли, временемъ междоусобій и кровавыхъ войнъ съ западными сосѣдями. Въ ту печальную пору, казалось бы, не до завоеваній было русскимъ людямъ. Тѣмъ не менѣе, они шли все далѣе за Иртышъ, Обь, Тазъ, вызываемые къ тому чисто *естественными* условіями—недостаткомъ надежной грани съ востока для своихъ первоначальныхъ завоеваній. Въ 1617 году, т. е. въ эпоху заключенія договоровъ столбовскаго и деулинскаго, мы перешагнули Енисей и подвинулись къ Иртышу до Павлодара, а по Барабѣ, на югъ, до Исети и нынѣшняго большого сибирскаго тракта между Ялуторовскомъ и Омскомъ. Замѣтимъ это послѣднее обстоятельство. Несмотря на близость къ метрополіи и совершенную открытость барабинской равнины, наши колонисты подвигались въ ней медленнѣе, чѣмъ въ гористыхъ и лѣсистыхъ мѣстахъ за Обью. Русское племя, осѣдлое и земледѣльческое, какъ бы неохотно приближалось къ сухимъ и безлѣснымъ степямъ, которыя отданы самою природой номадамъ. Можно думать, что не будь случайныхъ политическихъ обстоятельствъ въ первой половинѣ XVIII столѣтія, оно по доброй волѣ и не перешагнуло бы, на западъ отъ Иртыша, 54-й параллели, которою съ юга ограничиваются культурныя западносибирскія земли.

По заключеніи мира съ Польшей и Швеціей, ходъ завоеванія Сибири естественно сталъ быстрѣе, и хотя намъ скоро пришлось столкнуться съ племенами, довольно многолюдными и воинственными, какъ, напримѣръ, съ бурятами на Ангарѣ и Байкалѣ, но еще первое царствованіе изъ дома Романовыхъ (1613—1641) не кончилось, какъ мы стояли на Колымѣ, у Охотскаго Моря, у Станового Хребта, открыли Амуръ и дѣлали попытки утвердиться на южной сторонѣ обширнаго водоема Байкала. Имена Перфирьева, Бекетова, Галкина, Копылова, Корытова, Пояркова, Бузы, принадлежащія этой эпохѣ, составляютъ драгоцѣнное достояніе нашей исторіи того времени. Ихъ подвигами, ихъ настойчивою дѣятельностью мы купили право стать міровою націей, потому что, наконецъ, вышли изъ замкнутаго круга московской территоріи, неприлегавшей ни къ какимъ морямъ, кромѣ Бѣлаго и Каспійскаго, и сильно урѣзанной шведами, крымскими татарами и поляками.

Въ половинѣ XVII столѣтія (1651 годъ) мы поселились на Амурѣ и здѣсь впервые столкнулись съ народомъ цивилизованнымъ, который пришолъ на ту же рѣку съ юга изъ-за великой стѣны. Этимъ шагомъ мы достигли крайняго законнаго предѣла нашей власти въ восточной Азіи. Мало того: разбросавшись слишкомъ широко, не по силамъ и средствамъ того времени, мы должны были скоро уступить китайцамъ часть захваченной территоріи (1689 годъ), но уступить на время, потому что, въ теченіи цѣлыхъ 160-ти лѣтъ, сыны срединнаго царства, несмотря на тѣсноту у себя дома, не нашли въ себѣ довольно энергіи, чтобъ занять сполна амурскій басейнъ: они сохранили для насъ сѣверную половину его, можно сказать, въ дѣственной первобытности. Оттого-то, во второй половинѣ нашего вѣка, мы снова вернулись туда и тѣмъ выполнили наше историческое призваніе—стать твердою ногой у Тихаго Океана, который есть столь же естественная грань русскаго племени на востокѣ, какъ Понтъ Евксинскій на югѣ и Сѣверный Океанъ на сѣверѣ. Этого пріобрѣтенія, несмотря на огромную цѣнность его, у насъ никто и не оспоривалъ, хотя оно было сдѣлано въ 1854—1858 годахъ, когда главнѣйшіе представители цивилизованнаго, могущественнаго и переполненнаго людьми Запада раздѣлены были съ нами кровавою враждой и потомъ торжествомъ побѣды.

Совершенно другая участь постигла наши завоеванія въ Средней Азіи, т. е. въ степяхъ арало-каспійской низменности. Несмотря на то, что страны эти не приносятъ и *никогда не будутъ приносить* Россіи доходовъ, равныхъ нетолько тѣмъ, которые, напримѣръ, даетъ Индостанъ англичанамъ, но и тѣмъ, какіе мы сами получаемъ хоть съ Западной Сибири *); несмотря на то, что поступательное движеніе наше по Турану есть дѣйствіе теперь уже чисто невольное, вызываемое чувствомъ самосохраненія отъ степныхъ варваровъ, Европа готова думать и думаетъ, что это пріобрѣтеніе болѣе важно для Россіи, чѣмъ, напримѣръ, Амуръ и Кавказъ; что оно передаетъ въ наши руки рѣшеніе болѣе важныхъ вопросовъ, чѣмъ самое занятіе береговъ Вислы, Дуная и Чернаго Моря... Но такъ ли это въ самомъ дѣлѣ? какія событія привели насъ на Зарафшанъ и Аму-Дарью, и почему Европа вывела заключеніе о крайнемъ своекорыстіи нашей азіатской политики?

Отвѣтить на послѣднюю часть вопроса очень легко. Ни одинъ здравомыслящій человѣкъ, будь онъ англичанинъ, французъ или негръ, не можетъ предположить, чтобъ большая образованная нація добровольно тратила свои силы и средства для завоеванія непроизводительныхъ странъ, не надѣясь, рано или поздно, вознаградить себя присоединеніемъ страны, обильной дарами природы. Это такъ просто, и сдѣланный выводъ такъ вѣренъ, что возра-

*) По настоящее время ежегодный дефицитъ Туркестанскаго Края, т. е. даже страны, гдѣ, сверхъ степей, есть богатые оазисы (1/10 всего пространства), простирается отъ 1,700,000 до 2,000,000 р., хотя населеніе обложено всевозможными податями: земельными, подоходными, торговыми, земскими и т. д. На 1873 годъ смета доходовъ дастъ 3,220,000 руб., а росходовъ болѣе 5,000,000 р.

жать на него невозможно. Но въ томъ-то и дѣло, что мы вступили на туранскую почву и движемся по ней вовсе недобровольно. Убѣдиться въ этомъ можетъ каждый, кто дастъ себѣ трудъ обратиться къ исторіи. Мы уже говорили, что русскіе, утвердясь въ Сибири, остановились въ своемъ стремленіи къ югу на сѣверныхъ окраинахъ монголо-киргизскихъ степей. Въ теченіи первой половины XVIII столѣтія обозначились даже крайніе въ этомъ направленіи рубежи въ видѣ такъ-называемой линіи, т. е. ряда станицъ и фортовъ по Уралу, Уѣ, Иртышу и предгорьямъ Алтая. И ни у одного русскаго, знакомаго съ дѣломъ, конечно, не было желанія переходить за этотъ завѣтный рубежъ. Если же Петръ-Великій предпринималъ двѣ частныя экспедиціи, въ Хиву и на Чорный Иртышъ для отысканія золота, то это было дѣломъ его личной воли, а вовсе не народныхъ стремленій, которыя въ этомъ случаѣ совершенно расходились съ нею. Притомъ же обѣ экспедиціи кончились ничѣмъ, въ смыслѣ пріобрѣтеній, и самъ Петръ не думалъ продолжать ихъ, не пожелавъ даже отмстить хивинцамъ за коварное истребленіе отряда Бековича-Черкасскаго. Два ближайшіе преемника великаго императора, при которыхъ преданія о немъ были свѣжи, также не сдѣлали ни шагу въ глубь Средней Азіи. Но вотъ въ новой, нерусской столицѣ имперіи, наводненной съ перваго дня иностранцами, пріобрѣлъ вліяніе нѣмецкій рагченц, тиранъ и ненавистникъ русскихъ людей. Онъ заботился лишь о своихъ личныхъ выгодахъ, а не объ интересахъ Россіи; онъ не зналъ и не хотѣлъ знать нуждъ и стремленій русскаго народа, и потому пустился въ территоріальныя пріобрѣтенія среди необъятныхъ пустынь Средней Азіи, тѣмъ болѣе, что для этихъ «славныхъ» пріобрѣтеній ненужно было ни политическаго искуства, ни военныхъ подвиговъ. Непопулярный среди соотечественниковъ, киргизскій ханъ Абулхаиръ самъ напросился въ русское подданство, чтобъ обезпечить себѣ первенство въ Ордѣ, а своему народу—защиту отъ другихъ степныхъ варваровъ, притѣснявшихъ его. Жертва, которую Биронъ заставилъ принести Россію, была огромна и только людямъ недальновиднымъ могла казаться пріобрѣтеніемъ. Сограждане, которыхъ, благодаря ему, мы получили, были не лучше враговъ, и, чтобъ обезпечить отъ ихъ нападеній собственно русскія земли, мы должны были постоянно высылать въ степь дорого стоившіе отряды. Безпорядки, баранты, грабёжъ каравановъ, убіеніе русскихъ купцовъ и чиновниковъ, измѣны султановъ и батырей, наконецъ, открытые бунты киргизовъ — все это продолжалось 140 лѣтъ, до самаго того времени, пока мы не замкнули южныхъ и восточныхъ предѣловъ киргизскихъ степей. Но и теперь сумятица прекратилась лишь тамъ, гдѣ степь, цѣной огромныхъ усилій и жертвъ, окружена нами со всѣхъ сторонъ: тамъ же, гдѣ есть ворота на югъ и востокъ, какъ на Усть-Уртѣ, въ Кизык-Кумахъ и у Зайсана, безпорядки продолжаются, и еще въ 1869—1870 годахъ разразились открытымъ бунтомъ адаевцовъ, усмиреніе котораго въ эти два года и въ два послѣдующіе стоило около трехъ милліоновъ рублей и обремененія трудною службой солдатъ и казаковъ. Мудрая императрица Екатерина хорошо понимала ошибку одной изъ своихъ предшественницъ и не хотѣла ее повторить, когда, въ 1767 году, попросились въ подданство къ намъ туркмены... «Для Россіи — говорили ея министры, люди русскіе именемъ и душой— нѣтъ никакой выгоды принимать туркменъ подъ свое покровительство, тѣмъ менѣе считать ихъ своими подданными, ибо народъ сей, отъ природы дикій и хищный, подъ видомъ подданства ищетъ только пособія въ жизненныхъ потребностяхъ. Нѣтъ никакого способа завести съ ними благоустроенную торговлю, ибо они вмѣняютъ себѣ въ забаву грабить и убивать купцовъ или обращать ихъ въ неволю». Иностранная колегія, которой принадлежатъ эти достопамятныя слова, прибавляла далѣе, что и почва степей столь безплодна, что на ней нельзя заводить правильныхъ, обезпеченныхъ средствами края, осѣдлостей.

Такъ понимала дѣло Екатерина, которой образованная часть русскаго общества дала названіе великой, а народъ присвоилъ еще болѣе задушевный эпитетъ «матушки». Ея указаніямъ, волей неволей, мы слѣдовали все время, пока на первомъ планѣ стояли «екатерининскіе орлы», и даже нѣсколько далѣе того знаменитаго дня, когда русское войско, кровью купившее, въ 1812—1814 годахъ, свои побѣдныя торжества, оказалось обязаннымъ въ этомъ генераламъ изъ иностранцовъ... Но отвлеченные дѣлами на западѣ, мы, мало-по-малу, вовсе забыли о Средней Азіи и впали въ небрежность, недостойную образованной, предусмотрительной націи. Такъ, въ 1823 году, тогдашній руководитель русской внѣшней политики, графъ Нессельродъ, полагалъ нужнымъ сдѣлать выговоръ сибирскому начальству за то, что оно не допускало китайцовъ назначать хановъ въ подвластной намъ Средней Ордѣ... Впрочемъ, собственно русскіе люди смотрѣли нѣсколько шире и патріотичнѣе, а потому начали стремиться къ тому, чтобъ положить предѣлъ нападеніямъ нашихъ степныхъ подданныхъ на собственно русскія земли и устранить всякую возможность появленія въ среднеазіатскихъ пустыняхъ новыхъ Тамерлановъ и Чингиз-хановъ. Такимъ образомъ, по представленію Сперанскаго, рѣшено было двинуться въ степь и основать тамъ хотя нѣсколько передовыхъ укрѣпленій. Въ этихъ укрѣпленіяхъ (Балш-аулъ, Кончетовъ) должны были безотлучно пребывать русскіе гарнизоны, и изъ нихъ же выступали для объѣздовъ въ степи казачьи отря-

ды, которыхъ появленіе отодвинуло полосу баранты и грабежей на 300—400 верстъ къ югу отъ русскихъ селеній. Цѣль была достигнута, но цѣною слишкомъ большихъ издержекъ, потому что отрядамъ и гарнизонамъ въ степи приходилось круглый годъ доставлять издалека продовольствіе, вооруженіе и всякаго рода запасы. Мѣстныхъ земледѣлія и промысловъ въ фортахъ, конечно, не было; отъ сосѣднихъ киргизовъ можно было ожидать успѣховъ въ гражданственности только подъ условіемъ, чтобъ они въ русскихъ осѣдлостяхъ видѣли не одну угрозу себѣ, но и выгодные пункты для торга. Тогда необходимость заставила пожертвовать частью казаковъ и выселить ихъ въ передовые форты, которые, такимъ образомъ, обратились въ станицы. Появилась новая «линія», т. е. новая приманка для хищниковъ, и, слѣдовательно, возникла опять потребность въ передовыхъ укрѣпленіяхъ (Акмолы, Каркаралы, Аягузъ), съ которыми повторился прежній фактъ, такъ что въ 1840-хъ годахъ мы уже должны были основывать форты далеко на югъ отъ линіи, иногда почти въ голодной степи, иногда по ту сторону Балхаша (Иргизъ, Тургай, Улутау, Актау, Капанъ). Явленіе это совершенно естественно, неизбѣжно и должно было прекратиться не раньше, какъ съ достиженіемъ нами натуральныхъ граней, представляющихъ серьёзныя препятствія хищническимъ набѣгамъ. Такими гранями на первый разъ явились Алатаускія Горы и нижняя часть Сыр-Дарьи. И едва мы заняли ихъ (въ 1853—1854 годахъ), какъ лежавшія сзади области Тургайская (нынѣшняя) и Семипалатинская успокоились, тогда какъ Акмолинская и Уральская, открытыя съ юга, остались, попрежнему, театромъ баранты, разбоевъ и даже открытыхъ бунтовъ. Не было нужды въ другомъ подобномъ урокѣ, и потому 1860-е годы застали насъ заботящимися о томъ, чтобъ сомкнуть двѣ передовыя линіи, оренбургскую на Сырѣ и сибирскую за Илей. Эти заботы, совершенно естественныя и созданныя историческою необходимостью, были особенно сложны, потому что здѣсь впервые пришлось столкнуться съ среднеазіатскими ханствами на ихъ собственной территоріи, а ханства эти, въ силу долгой традиціи, уважались нами, какъ самостоятельныя международныя недѣлимыя, и даже еще въ 1858 году были предметомъ столь большого вниманія, что въ Бухару и Хиву было отправляемо большое посольство для заключенія трактатовъ.

Въ слѣдующей статьѣ мы перейдемъ къ поступательному движенію Россіи въ Туранѣ съ 1860 года и разсмотримъ его въ связи съ стремленіями Англіи двинуться намъ на встрѣчу, предупредить насъ не только на Гиндукушѣ, но даже на верхней Аму-Дарьѣ.

Голосъ
1873. №52

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

20-го февраля 1873.

Когда, въконцѣ 1850-хъ годовъ, мы установили, на низовьяхъ Сыр-Дарьи и у подошвы Акатау *), наши линіи, прикрывавшія части степей съ юга, но разорванныя между собою промежуткомъ въ 800 верстъ, тогда передъ нами возникли два вопроса: одинъ—о крайней необходимости сомкнуть эти линіи, другой—о фактической невозможности установить такую связь, потому что нужная для этого полоса земли у подошвы Каратау и Киргизнымъ Алатау находилась въ рукахъ коканцовъ. Конечно, въ поводахъ къ нападенію на коканцовъ и къ отнятію у нихъ этой полосы недостатка не было, потому что цѣлый рядъ подстрекательствъ къ грабежамъ и безпорядкамъ среди нашихъ степей шолъ несомнѣнно отъ коканскихъ властей. Но, съ нашей стороны, въ то время господствовали столь миролюбивые планы, что генералъ-губернаторъ Западной Сибири, назначенный въ 1860 году, открыто и прямо высказывалъ, что «онъ почтетъ себя счастливымъ, если, за время его управленія не будетъ пріобрѣтено ни пяди новой земли въ степяхъ». Къ тому же стремился еще прежде генералъ Катенинъ въ Оренбургѣ, хотя впослѣдствіи онъ измѣнилъ свое мнѣніе, очень хорошо видя всю непригодность для государственнаго рубежа слабой линіи вдоль Сыр-Дарьи, куда все нужное для жизни, отъ продовольствія и одежды до строительныхъ матерьяловъ, привозилось изъ Оренбурга. Но ни добрая воля мѣстныхъ генералъ-губернаторовъ, ни старанія самого правительства не могли бороться съ силою вещей. Уже въ 1860 году коканцы сами вторглись въ нашу территорію и тѣмъ, конечно, вызвали насъ на возмездіе въ видѣ разоренія приграничной ихъ крѣпостцы, Пишпека. Послѣ этого событія наши войска, впрочемъ, немедленно верну-

лись домой. Въ слѣдующемъ году коканское вторженіе повторилось, и въ большихъ еще размѣрахъ, причомъ были до крайности взволнованы Большая Орда и киргизы на Сыр-Дарьѣ. Тогда уже пришлось нетолько вторично разорить Пишекъ, занять Джулекъ, но и приступить немедленно къ осуществленію проекта новой линіи между Перовскомъ и верховьями Чу, вдоль Каратау. Исполненіе этого предначертанія привело къ памятнымъ всѣмъ дѣйствіямъ, которыхъ прямымъ и неизбѣжнымъ, по ходу военныхъ событій, послѣдствіемъ было занятіе Ауэлье-ата, Чемкента и, наконецъ, въ 1865 году, Ташкента. Кто жилъ въ ту эпоху, тотъ хорошо помнитъ, что правительство наше поспѣшило даже отказаться отъ послѣдняго завоеванія и предоставило-было ташкентцамъ самимъ устроить свою судьбу основаніемъ отдѣльнаго владѣнія, которое лежало бы между нами и враждебнымъ намъ ханствомъ коканскимъ. Но таково могущество цивилизаціи, которой представителями являлись мы въ Средней Азіи, что ташкентцы сами пожелали сдѣлаться подданными Бѣлаго Царя. Отказать имъ къ такомъ исходѣ дѣла мы рѣшительно не могли, не предоставивъ ихъ злобной мести коканскаго хана и не уронивъ самихъ себя передъ всею Средпею Азіей, гдѣ отступленіе, хотя совершенно добровольное, было бы тотчасъ же принято за слабость и дало бы поводъ нетолько къ усиленію дерзости заграничныхъ хищниковъ, но даже къ волненіямъ нашихъ собственныхъ киргизовъ.

Занявъ Ташкентъ и стоя, въ то же время, на низовьяхъ Сыра, па Эмбѣ, на Мангышлакѣ, мы очутились лицомъ къ лицу со всѣмъ издавна «независимымъ» Туркестаномъ. Что было намъ дѣлать, какой политикѣ слѣдовать? Этотъ вопросъ, конечно, вызывалъ самые разнородные толки; рѣшается же онъ также силой обстоятельствъ и преж-

де всего естественными условіями страны. Туркестанъ есть такая же степь, какъ наши киргизскія, какъ Гоби въ Монголіи, нерѣдко даже печальнѣе ихъ, потому что солнце стоитъ здѣсь выше и изсушаетъ почву раньше и сильнѣе, чѣмъ на Иртышѣ, Джабганѣ и Керуленѣ. Текучихъ водъ почти не имѣется. Наиболѣе густое населеніе края тѣснится въ подгорныхъ и междугорныхъ оазисахъ восточной его половины да на низовьяхъ Аму-Дарьи; но эти оазисы составляютъ едва $^{1}/_{16}$ часть всего пространства, а остальныя $^{15}/_{16}$ заняты степными варварами, между прочимъ, даже самыми злыми изъ нихъ — туркменами. События въ такой странѣ, очевидно, не могутъ слѣдовать иному ходу, какъ поступательному движенію нашему съ Иртыша на Яскартъ и китайскому отъ Великой Стѣны на Ононъ и Или. А какъ, притомъ, въ Ташкентѣ и по близости его мы уже встрѣтились съ густымъ мусульманскимъ населеніемъ, ненавидящимъ гяуровъ и предводимымъ деспотами, которые войну съ невѣрными ставятъ себѣ въ законъ, то этимъ обстоятельствомъ только ускорилось неизбѣжное наступленіе. Съ 1865 по 1868 годъ мы должны были двигаться впередъ быстрѣе, чѣмъ могли бы желать даже въ случаѣ чисто-намѣреннаго завоеванія. Обстоятельства, которыя не нами созданы и которыя мы не въ силахъ были предотвратить, толкали насъ впередъ и впередъ, и только со взятіемъ Самарканда мы могли перевести духъ, осмотрѣться и начать серьезную работу утвержденія въ краѣ, проводить каналы для орошенія русскихъ полей, строить мосты по дорогамъ, основывать русскіе города. Но когда это было сдѣлано вновь и само собою, нетолько безъ нашей воли, но, можетъ быть, и вопреки ея, возникъ вопросъ: достигли ли мы естественныхъ рубежей русскаго племени, подобныхъ Тянь-Шаню,

Алтаю, Саяну, Японскому Морю? Если же нѣтъ, то гдѣ ихъ искать и какъ себя обезпечить? Отвѣчать на эти вопросы трудно; при этомъ должно обратить вниманіе и на слѣдующія соображенія.

Политическое положеніе наше въ теперешней Сыр-Дарьинской Области обусловливается пятью главными обстоятельствами: 1) отдаленностью края отъ Россіи собственно; 2) составомъ населенія страны, въ которомъ русскій элементъ ничтоженъ, а масса состоитъ изъ иноплеменниковъ, да еще мусульманъ; 3) недостаткомъ всякихъ мѣстныхъ средствъ для содержанія въ должномъ числѣ и устройствѣ нашихъ военныхъ силъ, безъ которыхъ самое владычество наше совершенно немыслимо; 4) сосѣдствомъ самостоятельныхъ мусульманскихъ государствъ, которыхъ населеніе одноплеменно съ населеніемъ русскаго Туркестана и которыя не могутъ забыть, что теперешнія русскія земли еще недавно принадлежали имъ, и, наконецъ, 5) открытостью всѣхъ нашихъ границъ для нападенія какъ этихъ мусульманскихъ государствъ, до извѣстной степени получающихъ поддержку изъ-за Гиндукуша *), такъ и степныхъ вомадовъ. Всѣ эти обстоятельства, очевидно, невыгодны для Россіи и должны быть уравновѣшиваемы однимъ превосходствомъ состава, вооруженія и тактическаго образованія нашихъ войскъ. О превосходствѣ европейскаго образованія вообще и того гражданскаго устройства, которое покорило бы намъ умы туземцовъ, можно говорить пока лишь условно, потому что гражданскіе элементы русскаго государства сюда проникли очень мало, да едва ли и могли проникнуть въ какія-нибудь семь лѣтъ, при непрерывномъ почти военномъ положеніи края. Мы не успѣли еще завести здѣсь

*) Бухарскій эмиръ получилъ оттуда до 13,000 ружей; хивинскій ханъ около 60 орудій и пр.

ни училищъ, которыя прививали бы туземцамъ русское образованіе, ни такихъ судовъ, которые своею независимостью, единственною гарантіей правосудія, сразу показали бы среднеазіатцамъ всю высоту нравственнаго уровня ихъ повелителей.

Отдаленность и, можно сказать, отдѣльность Туркестанскаго Края отъ Россіи, во многомъ превосходящая самую отдѣльность Сахалина и Камчатки, едва ли нуждается въ разъясненіяхъ. Отъ Москвы до Ташкента три съ половиною тысячъ верстъ; между низовьями Сыр-Дарьи и рѣкой Ураломъ разстояніе свыше 700 верстъ; отъ береговъ Чирчика, гдѣ расположенъ центръ русской власти, до Вѣрнаго, вблизи котораго находится самая передовая часть русскаго населенія въ Средней Азіи, тоже не менѣе 700 верстъ. При этомъ, на первой дорогѣ мы имѣемъ всего два русскіе этапа, на послѣдней не болѣе четырехъ; вся же мѣстность, прилегающая къ дорогамъ, занята инородцами - мусульманами, преимущественно номадами, и имѣетъ нерѣдко на сотни верстъ характеръ безотрадной степи. Не при такихъ условіяхъ, конечно, можно ожидать наплыва въ новый край русскихъ переселенцовъ, установки большихъ торговыхъ связей и своевременнаго прибытія военныхъ подкрѣпленій въ случаѣ нужды. Русскіе въ Ташкентѣ и Самаркандѣ, благодаря самому удаленію отъ Россіи, должны прибѣгать къ строгостямъ военной администраціи, чтобъ обезпечить себѣ спокойствіе, и конца этому положенію не предвидится ранѣе приближенія нашего къ естественнымъ рубежамъ, которые замыкаютъ Туранъ съ востока и юга.

Недостатокъ въ краѣ мѣстныхъ военныхъ средствъ также очевиденъ со всѣми его послѣдствіями. Россія, чтобъ пополнять войска Сыр-Дарьинской Области, должна ежегодно отправлять туда до 2,800 сыновъ своихъ, и, бо́льшею частью, безвозвратно. Если оцѣнить среднюю годовую производитель-

ность русскаго взрослаго простолюдина, среднимъ числомъ лишь въ 120 р. и капитализировать этотъ расходъ изъ $5^1/_2{}^0/_0$, то получится, что одно пополненіе арміи на Сыр-Дарьѣ требуетъ ежегодно ослабленія русской рабочей силы внутри имперіи на 6,100,000 руб. Уплата этого кроваваго налога на государство прекратится не раньше, какъ по замкнутіи нами туранскихъ степей отовсюду, на подобіе того, какъ замыкаетъ Алтае-Саянскій Хребетъ губерніи Томскую, Енисейскую и Иркутскую съ юга, какъ Гималая ограждаетъ Индію съ сѣвера.

Составъ населенія страны, завоеванной едва въ 1865—1868 годахъ, вызываетъ большую раздробленность войскъ по краю, что невыгодно отражается на единствѣ ихъ хозяйства, т. е. увеличиваетъ расходы нашей казны, и можетъ еще вести дурныя послѣдствія въ случаѣ возстанія. Для предупрежденія этой случайности мы должны всѣ наши мелкіе отряды держать въ укрѣпленіяхъ, которыхъ сооруженіе и поддержка стоятъ немалыхъ суммъ. И какъ число этихъ укрѣпленій очень значительно для небольшого корпуса туркестанскихъ войскъ, а между тѣмъ, въ случаѣ полевыхъ военныхъ дѣйствій, мы не можемъ очистить ихъ, чтобъ гарнизонами подкрѣпить сражающіеся отряды, то понятно, что нѣтъ для насъ другого прочнаго исхода изъ дилемы, какъ учрежденіе дорого стоющихъ русскихъ колоній на главныхъ стратегическихъ пунктахъ страны. Это уже вызвало государство на огромные расходы по основанію русскаго Ташкента, Чиназа, по проведенію каналовъ въ Мурзарабатской Степи, гдѣ можно поселить русскихъ земледѣльцовъ. Гдѣ и сколько потребуется еще учредить подобныхъ колоній, мы не можемъ теперь сказать, даже съ приблизительной точностью, а между тѣмъ, несомнѣнно, что съ приближеніемъ нашимъ къ естественнымъ

рубежамъ Туркестана, придется приносить новыя, и еще болѣе дорогія жертвы въ томъ же родѣ, такъ что съ одной этой точки зрѣнія должно желать скорѣйшаго достиженія именно этихъ рубежей.

Сосѣдство независимыхъ мусульманскихъ государствъ невыгодно для насъ вдвойнѣ. Вопервыхъ, они могутъ, вліяніемъ своимъ, вызывать или поддерживать безпорядки внутри нашихъ владѣній и, во всякомъ случаѣ, препятствовать ихъ обрусенію; вовторыхъ, по причинѣ неудачнаго очертанія нашихъ границъ, они могли бы, еслибъ имѣли хоть сколько-нибудь порядочное военное устройство, стать небезопасными врагами въ открытой войнѣ. Еще Коканъ самъ по себѣ, одинъ, не можетъ вызвать большихъ затрудненій, потому что ханство это окружено съ трехъ сторонъ нашими владѣніями и можетъ быть пройдено изъ конца въ конецъ въ какія-нибудь двѣ недѣли; но явись это владѣніе союзнымъ Бухарѣ и Хивѣ—вопросъ о его значеніи сильно измѣнился бы. Оно занимаетъ очень выгодное для союзниковъ положеніе на флангѣ и частью даже въ тылу тѣхъ войскъ, которыя съ нашей стороны могутъ быть направлены на Аму-Дарью. Сверхъ того, коканская партія въ мѣстномъ населеніи Ташкента, Чимкента, Ходжента и др. настолько сильна, что можетъ поднять свою голову въ случаѣ войны нашей съ Коканомъ, а особенно съ мусульманскою коаліціей. Конечно, при открытой борьбѣ, Фекрала будетъ первымъ трофеемъ для нашихъ войскъ—трофеемъ, тѣмъ болѣе легкимъ, что города ея не укрѣплены; но самое занятіе городовъ нашими гарнизонами потребуетъ отвлеченія военныхъ силъ отъ другихъ театровъ. Только особому счастью мы можемъ приписать, что на этихъ другихъ театрахъ за нами есть немало существенныхъ выгодъ. Бухарѣ, напримѣръ, мы можемъ нанести серьёзный ударъ, даже не втор-

гаясь въ ея предѣлы, а только заперѣвъ часть воды, идущей изъ Заравшана въ это ханство. Далѣе, отъ непосредственныхъ ударовъ большихъ хивинскихъ скопищъ насъ гарантируютъ кизылкумскія песчаныя степи, лежащія между Сыромъ и Аму-Дарьей. Но, повторяемъ, въ случаѣ коалиціи всѣхъ трехъ ханствъ, и особенно при поддержкѣ ихъ со стороны Афганистана, наше положеніе можетъ быть не изъ легкихъ.

Впрочемъ, вопросъ о планѣ дальнѣйшаго поступательнаго движенія нашего въ Туранѣ значительно упрощается для насъ тѣмъ, что главный, если не единственный ударъ намъ слѣдуетъ нанести одной Бухарѣ — этой столицѣ мусульманскаго изувѣрства, которая, своимъ коварнымъ поведеніемъ, вполнѣ заслуживаетъ такой судьбы. Съ овладѣніемъ ею, два другіе противника будутъ раздѣлены и безсильны. У насъ нерѣдко слышатся теперь въ обществѣ заявленія, что нужно, прежде всего, покончить съ Хивой, какъ съ непосредственнымъ очагомъ степныхъ безпорядковъ, и оставить до времени Бухару въ покоѣ. Людямъ, которые полагаютъ, напримѣръ, что на дорогѣ изъ Ташкента къ дельтѣ Аму-Дарьи лежитъ Кашгаръ съ его мудрымъ бадаулетомъ, конечно, и думать иначе нельзя; но такое, основанное на невѣжествѣ, сужденіе совершенно ошибочно. Хива пала бы сама собою, еслибъ русскіе стали твердою ногой у Чарджуя, Устелка и Шюнюклю, и, напротивъ, съ нею очень трудно имѣть дѣло, пока Бухара независима. Равнымъ образомъ и вліяніе Афганистана значительно ослабѣло бы, еслибъ не прекратилось совсѣмъ, послѣ занятія нами Хаджа-саля, Керки и другихъ бухарскихъ *) переправъ чрезъ Аму-Дарью. Словомъ, при составленіи плана дальнѣйша-

*) А не афганскихъ, какъ полагаютъ нѣкоторые у насъ, вопреки свидѣтельству даже англійскихъ географовъ, отъ Бориса до Юля, афганскаго принца Искендер-хана и всѣхъ вообще знакомыхъ съ дѣломъ людей.

го, безъ сомнѣнія, неизбѣжнаго движенія нашего по Турану, на первой его страницѣ должно стоять присоединеніе Бухары. Безъ этого условія наши туркестанскія владѣнія грозятъ сдѣлаться язвой для имперіи, куда будутъ уходить лучшіе соки, ея безъ всякой падежды на улучшеніе хода дѣлъ, даже въ отдаленномъ будущемъ.

Такимъ образомъ, для перваго раза вопросъ объ упроченіи положенія нашего въ Туркестанѣ сводится на уничтоженіе самостоятельности Бухары, т. е. на переносъ нашей границы съ Заравшана къ Аму-Дарьѣ, на низовья которой русскія войска, сколько извѣстно по газетамъ, уже и двинулись изъ Оренбурга. Но есть ли Аму-Дарья, съ ея безплодными берегами между Хивой и Бадахшаномъ, такая натуральная грань, вдоль которой можно бы утвердиться съ надеждой быть спокойными и не двигаться впередъ? Не повторится ли здѣсь, въ сосѣдствѣ туркменъ, то же явленіе, что было, пятьдесятъ лѣтъ назадъ, на Уралѣ и Иртышѣ, т. е. основаніе сначала передовыхъ укрѣпленій въ степи, къ сторонѣ Хоросана и Афганистана, противъ туркменъ, а потомъ переходъ къ самымъ хоросанскимъ горамъ? Едва ли кто-нибудь, сознательно оцѣнившій всѣ предъидущіе факты, усомнится дать утвердительный отвѣтъ на эти вопросы. Каспійское Море и Болорскій хребетъ, Гиндукушъ и Хоросанскія Горы—вотъ естественныя грани, къ которымъ неизбѣжно будетъ стремиться русское племя, разъ вступившее на почву Турана. И это безъ малѣйшаго желанія причинить вредъ другой европейской расѣ, имѣющей интересы у Голдукуша, въ Афганистанѣ, безъ всякой задней мысли на Индію, а просто по закону самосохраненія, тому самому закону, который заставилъ недавно англичанъ заботиться даже о Бадахшанѣ, хотя, какъ мы увидимъ въ слѣдующей статьѣ, они не имѣютъ тутъ никакого вѣрно понятаго интереса и могутъ спокойно ограничиться Кяфиристаномъ, Кабулистаномъ и Кандагаромъ.

Голосъ 1874 г. № 209.

Изъ Ташкента, *6-го іюля* (*кореспонденція «Голоса»*).—Со всѣми азіатскими сосѣдями нашими мы находимся въ мирѣ. Но этотъ миръ ежеминутно готовъ обратиться во вражду, къ чему всегда найдется достаточно причинъ. Начну съ самой дальней нашей окраины—аму-дарьинской: хивинскій ханъ у себя безсиленъ и самое ханство едва напоминаетъ самостоятельное владѣніе. Какъ ханъ, такъ и всѣ лучшіе умы ханства, въ родѣ диванбеги Мат-Ніаза, хакима Якуб-Бея и др. очень хорошо понимаютъ это. Оптимисты увѣряютъ, что ханъ Сеидъ-Могамедъ-Рахимъ относится къ намъ съ искреннею благодарностью. За что? Вѣроятно, не за то, что русскіе лишили его половины дохода, умалили обаяніе его могущества и освободили рабовъ-иранцовъ, т. е. отняли у хивинскихъ узбековъ ихъ главную рабочую силу. Что, если,очень легко увлекаемый хивинскій ханъ, еще разъ попытается бороться съ русскими, ставъ во главѣ туркменовъ? Объ этомъ говорили прошлою зимою, и не безъ основанія, если сообразить положеніе хана,поставленнаго теперь между русскими и туркменами. Но русскіе пока еще весьма малочисленны на Аму-Дарьѣ, а туркмены нетолько многочисленны, но и настойчивы; при случаѣ, они не затруднятся и прирѣзать хана, если онъ пойдетъ наперекоръ ихъ желаніямъ. Туркмены, кочующіе и живущіе осѣдло по землямъ, орошаемымъ арыками, выведенными изъ Аму-Дарьи, раздѣляются на нѣсколько родовъ; изъ нихъ самые сильные и воинственные іомуды, отдѣла байрам-шали, съ которыми мы имѣ-

ли нѣсколько кровопролитныхъ дѣлъ въ іюлѣ прошлаго года. Другіе роды, напримѣръ, гокланы, чаудоры, немногочисленны и для насъ неопасны. Іомуды постоянно оказывали давленіе на Хивинское Ханство; они и живутъ около самой Хивы: ихъ осѣдлости начинаются у Газавана, въ 20-ти верстахъ отъ столицы ханства. Получивъ кровавый урокъ, они пока присмирѣли и какъ будто отказались отъ своихъ буйныхъ привычекъ. Но надобно быть большимъ оптимистомъ, чтобъ находить это смиреніе искреннимъ. Перемѣны въ народномъ характерѣ не совершаются такъ быстро. Мы своимъ погромомъ внушили іомудамъ боязнь, но не преданность. Стоитъ только явиться въ степи какому-нибудь батырю, или ловкому шарлатану-муллѣ увлечь народъ сверхъестественными знаменіями, и іомуды поднимутся поголовно; что они легко поддаются такимъ внушеніямъ, доказательствомъ тому служитъ извѣстная чандырская битва, 15-го іюля прошлаго года. Въ этотъ день русскій отрядъ, за которымъ долгое время слѣдили іомуды, не рѣшаясь напасть на него, остановился на дневку у Чандыра, гдѣ находится могила покровителя туркменовъ, Хазретъ-Билялы, гдѣ, сверхъ того, нѣсколько разъ туркмены разбивали на голову хивинцовъ (здѣсь, между прочимъ, погибъ въ битвѣ съ іомудами хивинскій ханъ Абдулла). Этого было достаточно, чтобъ воодушевить туркменъ увѣренностью въ побѣдѣ; муллы и старшины разъяснили имъ, что самъ Аллахъ привелъ кафировъ (невѣрныхъ) на это мѣсто, предавая ихъ тѣмъ самымъ въ руки туркменовъ. Послѣдовало нападеніе, самое ожесточонное.

Кромѣ іомудовъ, мы теперь находимся въ дурныхъ отношеніяхъ къ туркменамъ-текке, кочующимъ близь Мерва (Мааръ); теккинцы, уже по возвращеніи русскихъ войскъ изъ хивинскаго похода, въ сентябрѣ прошлаго года, разграбили русскій казенный транспортъ, слѣдовавшій изъ укрѣпленія Халъ-ата въ Петро-Александровскъ, изранили караван-баша и вожаковъ и захватили въ плѣнъ слѣдовавшаго вмѣстѣ съ транспортомъ канонира Кидяева; началась переписка между начальникомъ Аму-Дарьинскаго Округа, полковникомъ Ивановымъ, и теккинскимъ ханомъ; но, несмотря на требованія, плѣнный еще не возвращонъ.

Насколько ненадеженъ миръ на Аму-Дарьѣ,

показываетъ слѣдующее: на смѣну оставленнаго, въ прошломъ году, въ Петро-Александровскѣ, 4-го стрѣлковаго батальйона, отправленъ былъ, 15-го апрѣля, изъ Ташкента въ Аму-Дарьинскій Округъ 3-й стрѣлковый батальйонъ; 4-й батальйонъ предполагалось возвратить изъ округа на тѣхъ же пароходахъ, которые привезутъ роты 3-го батальйона. Однакожь, это распоряженіе вскорѣ было отмѣнено и двѣ роты 4-го батальйона оставлены въ Аму-Дарьинскомъ Округѣ, въ виду безпорядковъ «ожидаемыхъ лѣтомъ по аму-дарьинской линіи».

Съ бухарскимъ эмиромъ у насъ теперь дружба крѣпкая; но, конечно, и онъ, при случаѣ, покажетъ свои когти. Одно то, что мы, несмотря на всѣ настоянія и просьбы его, не отдаемъ ему Самарканда, не можетъ расположить эмира въ нашу пользу. Да и за что ему любить насъ, отобравшихъ у него половину владѣній? Правда, мы поддержали его въ борьбѣ съ мятежнымъ сыномъ, Катта-Тюрею, отдали ему взятый нами Шахрисябзъ... Но эмиръ и послѣ того не переставалъ добиваться Самарканда. Замѣтимъ кстати, что возвращеніе Бухарѣ Шахрисябза имѣетъ свои практическія неудобства. Въ случаѣ войны съ эмиромъ, мы неминуемо должны, одновременно съ движеніемъ къ Бухарѣ, послать отдѣльную экспедицію въ Шахрисябзъ, то-есть, повторить сдѣланное въ 1870 году. Новый штурмъ шахрисябзьскихъ городовъ Китаба и Шаара потребуетъ и новыхъ жертвъ. Оставить же Шахрисябзъ у себя подъ бокомъ, двинувъ бо́льшую часть войскъ по направленію къ Бухарѣ, рѣшительно невозможно; бухарскія войска изъ Шахрисябза могутъ во всякую данную минуту ударить на линіонный войскъ Самаркандъ. Да и эмиръ, въ случаѣ неудачи, конечно, отступитъ не къ Кермине, а къ Карши или Гиссару, постоянно имѣя около себя Шахрисябзъ, какъ естественную крѣпость.

Коканскій ханъ, этотъ полуцивилизованный азіатскій владѣтель, оказался кровожаднымъ деспотомъ, рѣжущимъ своихъ подданныхъ, какъ барановъ. Хотя азіатцы, съ фаталистическимъ равнодушіемъ подставляютъ шеи подъ ножъ, однако, съ минуты на минуту, надо ожидать въ Коканѣ общаго взрыва. Здѣсь постоянно борются двѣ партіи: кочевники (кипчаки и кара-

киргизы) и осѣдлое населеніе (сарты). Ханъ, несмотря на происхожденіе свое изъ рода кара-киргизскаго батыря, Нарбута-бія, держитъ сторону сартовъ. За нѣсколько лѣтъ до занятія Ташкента русскими, онъ не поцеремонился казнить извѣстнаго предводителя недовольныхъ кипчаковъ, своего дядю, Мусульманъ-Кула. Вмѣстѣ съ нимъ были умерщвлены ханомъ 10,000 кипчаковъ. Притихшіе на время кипчаки теперь понемногу вновь подымаютъ голову. Въ прошломъ году было серьёзное возстаніе, неподавленное и по нынѣ. Кипчаки ищутъ себѣ знамя, т. е. лицо, которое они могли бы выставить, какъ претендента на престолъ; они хотѣли воспользоваться для этой цѣли 16-тилѣтнимъ мальчикомъ Абду-Каримомъ, дальнимъ родственникомъ хана, жившимъ въ Ходжентѣ частнымъ человѣкомъ. Когда это сдѣлалось извѣстно, ташкентская администрація перевезла Абду-Карима изъ сосѣдняго Кокану Ходжента въ Ташкентъ, гдѣ надзоръ за нимъ несравненно удобнѣе. Но эта мѣра, конечно, мало повліяетъ на кипчаковъ. Повидимому, Худояръ-ханъ доживаетъ послѣдніе дни своего, исполненнаго треволненій, ханствованія, и въ недалекомъ будущемъ, предвидится вступленіе на коканскій престолъ его старшаго сына, Насыр-Этдин-бека (ханъ Заде).

Голосъ 1874 г. № 212.

Изъ Ташкента, *12-го іюля* (*кореспонденція «Голоса»*).—На нашихъ среднеазіатскихъ окраинахъ никогда не бываетъ мира, въ европейскомъ смыслѣ этого слова; случается только временное затишье. Теперь, напримѣръ, обезсиленные Хива и туркмены молчатъ, не выказывая непріязни. Бухарскій эмиръ также находитъ эту минуту неудобною для борьбы съ Россіей. Враждебное намъ движеніе обнаруживается только въ Коканѣ и Кашгарѣ.

У Кокана есть больное мѣсто — восточныя провинціи, населенныя преимущественно кипчаками. Послѣ казни ихъ главы Мусульман-Кула и почти поголовнаго истребленія ихъ вездѣ, гдѣ только могли ихъ найти сарбазы Худояръ-хана, кипчаки присмирѣли и, повидимому, покорились ему. Сынъ Мусульман-Кула, Абу-Рахимъ, былъ даже у хана въ большой милости и не выказывалъ намѣренія мстить за смерть отца. Старшій сынъ Худояръ-хана, Насыръ-Этдинъ-бекъ, управлялъ восточными провинціями ханства, постоянно живя въ Андиджанѣ, центрѣ кипчакскаго населенія. Все, повидимому, шло благополучно и близкаго возстанія не предвидѣлось. Тѣмъ неменѣе, Худояръ-ханъ зналъ, что на кипчаковъ полагаться нельзя и что взрывъ съ этой стороны всегда возможенъ.

Кипчаки, втайнѣ недовольные ханомъ, тоже съ затаенною надеждою ожидали помощи изъ-за горъ, обрамляющихъ съ юговостока Коканское Ханство. Тамъ, на развалинахъ китайской провинціи, такъ-называемой Малой Бухаріи или Восточнаго Туркестана, возникло сильное мусульманское государство, подъ властью коканскаго выходца, умнаго и энергическаго Якубъ-бека. Оно сначала именовалось Алтышаромъ (шестиградіемъ), а теперь, бо́льшею частью, извѣстно подъ именемъ Джитышара (семиградія).

Восточный Туркестанъ, колы́бель арійскаго племени, еще въ самой отдаленной древности считался цивилизованною страною, но его жители, никогда не будучи воинственны, постоянно подпадали власти сосѣдей. Такимъ образомъ, Восточный Туркестанъ былъ покоренъ дзюнгарами или калмыками, а потомъ, когда могущество ихъ рушилось, китайцами. Въ XIV-мъ столѣтіи кашгарцы приняли исламъ и вскорѣ въ новообращонномъ краѣ образовались двѣ партіи, вѣрнѣе, религіозныя секты: черногорцовъ и бѣлогорцовъ, т. е. потомковъ Ходжи-Имама-Каліяна и Ходжи-Исаака-Вали (сыновей проповѣдника ислама въ Кашгаріи, Ходжи-Сеида-Махсум-Азима). Обѣ партіи пользовались сочувствіемъ народа, потому что защищали его интересы и стояли въ постоянной опозиціи съ китайскою администраціей. Китайское правительство не могло впушить къ себѣ довѣрія и любви; вездѣ въ мусульманскихъ земляхъ, гдѣ населеніе находится подъ властью китайцовъ, аборигены-мусульмане искренно ненавидятъ своихъ повелителей. Подъ вліяніемъ ходжей, потомковъ того же Сеида-Махсум-Азима, кашгарцы нѣсколько разъ возставали противъ китайцовъ, что̀ повторилось въ 1826, 1847 и 1857 годахъ. Въ 1863 году вспыхнуло новое, уже повсемѣстное возстаніе мусульманъ (хой-хой) противъ китайцовъ. Сотни городовъ Западнаго Китая были обращены въ пепелъ. Чугучакъ, Урумчи, Манасъ и Кульджа были взяты инсургентами. Это возстаніе отразилось и въ Восточномъ Туркестанѣ или Кашгаріи; тамъ тоже началась борьба на смерть между мусульманами и китайцами. На помощь къ своимъ единовѣрцамъ поспѣшили киргизы изъ горной страны Тянь-Шаня, и послѣ непродолжительнаго сопротивленія, китайцы были частью перебиты, частью силою обращены въ исламъ.

Въ то время, когда въ Кашгарѣ началась борьба съ китайцами, въ Коканѣ властвовали кипчаки; регентомъ ханства былъ извѣстный батырь Алим-Кулъ, одинъ изъ главныхъ предводителей кипчакской партіи. Онъ не остался безучастнымъ къ борьбѣ своихъ единовѣрцовъ съ невѣрными и отправилъ въ Кашгаръ коканскій отрядъ, подъ начальствомъ Якубъ-бека. Сначала Якубъ-бекъ дѣйствовалъ именемъ ходжи Бузрукъ-хана, единственнаго, оставшагося въ живыхъ, представителя сильныхъ нѣкогда ходжей; но вскорѣ, видя неспособность и непопулярность Бузрукъ-хана, совершенно устранилъ его отъ управленія страною и сталъ распоряжаться самостоятельно, принявъ титулъ «аталых-гази», т. е. глава завоевателей. Впослѣдствіи онъ измѣнилъ этотъ титулъ и назвался «бадаулетомъ», т. е. счастливѣйшимъ, а теперь, послѣ дипломатическихъ сношеній своихъ съ Константинополемъ и Калькуттою, принялъ уже титулъ эмира, высшій титулъ, какой только могутъ принять мусульманскіе государи. Утвержденію Якубъ-бека въ Кашгарѣ немало помогли также событія, совершившіяся въ это время въ Средней Азіи. Храбрый и талантливый регентъ Коканскаго Ханства, Алим-Кулъ, былъ убитъ въ битвѣ съ русскими, подъ Ташкентомъ; утомленные долгою рѣзнею коканцы призвали на ханство Худояра, врага кипчаковъ, уже памятнаго народу казнью дяди своего, Мусульман-Кула. Всѣ, кто желалъ прекратить безурядицу, признали ханомъ Худояра; враги же его, нехотѣвшіе признать Худояра своимъ ханомъ, всѣ храбрѣйшіе изъ кипчаковъ удалились въ Кашгаръ, къ Якубъ-беку, оставшемуся послѣ смерти Алим-Кула самымъ виднымъ представителемъ кипчакской партіи. Такимъ образомъ, между Коканомъ и Кашгаромъ, или, лучше сказать, между его правителями, Худояръ-ханомъ и Якубъ-бекомъ неминуемо должны были образоваться самыя натянутыя отношенія. Еслибъ даже Якубъ-бекъ лично и не имѣлъ причины ненавидѣть Худояръ-хана, къ тому вынуждали его окружавшіе кипчаки, а Якубъ-бекъ хорошо понималъ, что въ нихъ и заключается вся его сила. Такое положеніе дѣла продолжается до сихъ поръ, и можетъ быть, будетъ причиною весьма серьёзныхъ столкновеній. Когда Худояръ сталъ ханствовать въ Коканѣ, положеніе этой страны было самое незавид-

ное: три четверти его владѣній были завоеваны русскими; народъ обѣднѣлъ отъ войнъ, торговля почти прекратилась. Въ довершеніе всего, русскіе, взявъ штурмомъ сильную крѣпость Ходжентъ, на Сыр-Дарьѣ, стояли, такъ сказать, у воротъ Кокана: отъ этой крѣпости до столицы ханства оставалось около 100 верстъ. Послѣ этого событія, всѣ въ Коканѣ были убѣждены, что наши войска двинутся далѣе, возьмутъ небольшое укрѣпленіе Махрамъ и безъ всякаго труда займутъ незащищенный ничѣмъ Коканъ. Надобно было предотвратить этотъ ударъ. Хорошо понимая, что силою нельзя остановить русскихъ, ханъ собралъ военный совѣтъ, которому предложилъ вопросъ: что дѣлать: продолжать борьбу или попытаться заключить миръ, пока еще не поздно? Большинство высказалось за войну; ханъ, не довѣряя доводамъ бековъ и серкеровъ, спросилъ мнѣнія купцовъ, бывавшихъ въ Россіи. Самый вліятельный изъ нихъ, купецъ Мирза-Хакимъ-бай, не разъ посѣщавшій макарьевскую и ирбитскую ярмарки, увѣрилъ хана, что война будетъ гибельна для страны, и для пріостановки дальнѣйшаго движенія русскихъ на Коканъ предложилъ отправить къ генералу Романовскому депутацію съ поздравленіемъ по случаю взятія Ходжента. Тогда, говорилъ Мирза-Хакимъ, русскіе не будутъ имѣть предлога къ дальнѣйшему движенію въ глубь ханства. Худояръ-ханъ принялъ совѣтъ и назначилъ Мирзу-Хакима повѣреннымъ въ дѣлахъ Кокана, пожаловалъ ему чинъ «датхи», а въ 1872 году—чинъ «парманачи». Мирза-Хакимъ постоянно живетъ въ Ташкентѣ, нѣсколько разъ бывалъ и въ Петербургѣ, какъ уполномоченный отъ хана. Весною нынѣшняго года, напримѣръ, онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ съ письмами и подарками отъ хана. Ханъ коканскій, заключивъ съ туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ дружественный и торговый договоръ, вначалѣ исполнялъ его весьма добросовѣстно. Не было никакой причины жаловаться на недобросовѣстность хана или кого-нибудь изъ его приближонныхъ. Ханъ, и особенно его старшій сынъ, бекъ Андиджанскій, Насыръ-Этдинъ (Ханъ-Заде) исподоволь перенимали русскую обстановку жизни; они выписали себѣ коляски, кабріолеты, зеркала, мёбель. Доброе согласіе между Ташкентомъ и Коканомъ было самое образцовое до 1873 года.

Когда у насъ совершался хивинскій походъ, въ Коканѣ начались серьёзные безпорядки. Виною ихъ были все тѣ же, недовольные ханомъ, кипчаки и кара-киргизы. Небольшіе безпорядки въ средѣ кипчаковъ повторялись ежегодно и прежде, при сборѣ податей, но въ 1873 году Худояръ-ханъ обложилъ пошлиною дикія фруктовыя деревья, ростущія въ горахъ, и составляющія одну изъ самыхъ важныхъ статей дохода для кочевниковъ коканскихъ. Долго накипавшее неудовольствіе, наконецъ, разразилось бунтомъ. Въ Ташкентъ стали доходить самыя тревожныя извѣстія о положеніи дѣлъ въ Коканѣ; говорили, что Ушъ взятъ мятежниками, ханская казна разграблена, сынъ хана, Насыръ-Этдинъ, держитъ сторону инсургентовъ, а самъ ханъ хотѣлъ уже бѣжать изъ Кокана, но, будто, народъ не пустилъ его. Въ дѣйствительности, положеніе хана, хотя и довольно затруднительное, далеко не было столь критическимъ. Правда, вся мѣстность отъ Андиджана до горъ на востокѣ была охвачена возстаніемъ, но мятежники еще не чувствовали себя въ силахъ успѣшно бороться съ ханомъ. Они попытались прежде всего искать помощи у русскихъ и, лѣтомъ прошлаго года, заявили свое желаніе принять русское подданство. Это предложеніе было отклонено. Тогда инсургенты стали искать помощи у Якубъ-бека, эмира кашгарскаго. Зимою нынѣшняго года, въ Ташкентѣ разнеслись, оказавшіеся потомъ невѣрными, слухи, что въ Коканъ вторгнулся изъ Кашгара отрядъ, подъ начальствомъ бѣжавшаго изъ Бухары сына эмира бухарскаго, Катта-Тюри. Въ горахъ, отдѣляющихъ Кашгаръ отъ Кокана, появились только кашгарскія шайки, человѣкъ въ 500 или 600, но онѣ не могли принять серьёзнаго участія въ борьбѣ, потому что именно въ это время дѣла инсургентовъ шли весьма плохо. Предводитель возставшихъ кипчаковъ, Мамыръ-Вача, запершся въ ущельѣ Кара-Кульджа, неподалеку отъ Узъ-Кента и хотѣлъ въ этомъ неприступномъ убѣжищѣ дождаться весны. Ущелье Кара-Кульджа дѣйствительно неприступно: здѣсь нѣкогда регентъ Коканскаго Ханства, знаменитый Алим-Кулъ, защищался съ горстью кипчаковъ противъ цѣлой арміи бухарскаго эмира. Худояръ-ханъ и теперь, подавляя возстаніе кипчаковъ, дѣйствовалъ съ крайнею жестокостью. И прежде казни въ Коканѣ

не были рѣдкостью; теперь же въ Коканѣ казнятъ сотнями, по самому ничтожному поводу даже просто по подозрѣнію. Терроръ господствуетъ въ полной силѣ. Въ началѣ весны нынѣшняго года, ханъ, по подозрѣнію, приказалъ схватить и зарѣзать своего родственника, вліятельнаго кара-киргиза, Батыръ-ханъ-тюрю (брата второй жены хана).

Батыръ-ханъ, вмѣстѣ съ семью своими товарищами, отправились однажды, по утру во дворецъ хана, на обычный селамъ (привѣтствіе) и уже болѣе не возвращались изъ дворца; куда они дѣвались — неизвѣстно. Жестокости хана, наконецъ, побудили нѣкоторыхъ лицъ составить противъ него заговоръ. Въ немъ приняли участіе, бо́льшею частью, родственники и друзья Батыръ-хана; къ заговору примкнули даже жена Худояръ-хана (сестра Батыръ-хана) и ея сынъ, Мадали-бекъ. Но дѣло не имѣло успѣха, вслѣдствіе неумѣстной болтливости Мадали-бека. Казни усилились, а Худояръ-ханъ сдѣлался кровожаднѣе и подозрительнѣе. Мехтеръ (завѣдывающій финансами ханства и всею государственною перепиской), бывшій до того довѣреннымъ лицомъ Худояра, внезапно впалъ въ немилость, и недавно отравленъ, по приказанію хана. Утромъ, сидя въ зякет-сараѣ, гдѣ производился сборъ пошлинъ съ прибывшихъ каравановъ, мехтеръ вдругъ почувствовалъ дурноту и головокруженіе. Его едва успѣли донести до дому, гдѣ онъ и умеръ. Реакція въ Коканѣ сказалась и въ отношеніяхъ хана къ русскимъ. Мирза-Хакимъ потерялъ вліяніе на хана; его довѣріемъ овладѣлъ вполнѣ одинъ изъ богатыхъ коканскихъ купцовъ, Мир-Алимъ-бай. Вліяніе новаго временщика, какъ оказывается, для насъ очень невыгодно. По крайней мѣрѣ, подъ вліяніемъ внушеній Мир-Алима, ханъ постоянно говоритъ, что Мирза-Хакимъ и всѣ окружающіе его обманывали, что русскіе вовсе не такъ страшны и сильны, какъ ему разсказывали, что хану стоитъ только показать свою саблю, чтобъ русское войско обратилось въ бѣгство, и т. п. Если ханъ въ этихъ наивныхъ увлеченіяхъ отъ словъ перейдетъ къ дѣлу, добрыя отношенія наши съ Коканомъ рухнутъ окончательно. Мирза-Хакимъ, передъ нынѣшнею поѣздкой своей въ Петербургъ проживши́й мѣсяца три въ Коканѣ,

едва-едва унесъ оттуда свою голову. По крайней мѣрѣ, въ Ташкентѣ серьёзно опасались за его жизнь.

Перемѣна политическаго настроенія въ Коканѣ сказывается теперь во всемъ: русскіе, пріѣзжающіе въ Коканъ, уже не встрѣчаютъ радушнаго пріема. Когда недавно пріѣхалъ изъ Ташкента директоръ школы шелководства, В. Ф. Ошанинъ, съ порученіемъ собрать образцы прядильныхъ растеній для выставки нынѣшняго года, въ Петербургѣ, ханъ едва удостоилъ принять его. Г. Ошанина ввели во дворъ, гдѣ, на терасѣ, сидѣлъ ханъ, показали его хану, и тотчасъ же увели обратно. Въ письмахъ хана тоже замѣтна перемѣна прежняго дружескаго тона; Худояръ пишетъ теперь, какъ кичащійся своею властью среднеазіатскій владыка, или какъ, напримѣръ, еще недавно (до похода) писалъ хивинскій ханъ.

Чѣмъ окончится и чѣмъ грозитъ въ будущемъ начавшееся теперь броженіе въ Коканѣ, трудно сказать. Во всякомъ случаѣ, дѣла идутъ весьма дурно. Можетъ случиться, что возстаніе усилится и Худояръ-ханъ будетъ или убитъ, или выгнанъ изъ ханства. Тогда намъ придется вмѣшаться въ дѣла Кокана, въ интересахъ нашихъ торговцовъ, живущихъ въ Коканѣ и ведущихъ съ нимъ большія дѣла. Невозможно допустить, чтобъ Коканомъ или хотя частью его овладѣлъ эмиръ Якубъ-бекъ, далеко къ намъ не расположенный. Наконецъ, нежелательно, чтобъ продолжалась и нынѣшняя анархія въ Коканѣ и чтобъ Худояръ-ханъ рѣзалъ совершенно безконтрольно своихъ подданныхъ, хотя онъ и полагаетъ, что въ этомъ случаѣ «его нраву никто не можетъ препятствовать».

Голосъ 1874 г. № 222.

Изъ Ташкента, *25-го іюля* (*кореспонденція «Голоса»*). — Отношенія наши къ Якубъ-беку, эмиру кашгарскому, были натянуты до послѣдняго времени. Нельзя сказать, чтобъ они улучшились и теперь, вслѣдствіе непрекращающихся съ нимъ переговоровъ.

Я уже писалъ вамъ, какъ Якубъ-бекъ утвердился въ Джитышарѣ или Кашгаріи. Мало-по-малу, онъ распространилъ свою власть надъ всѣми городами Восточнаго Туркестана, при помощи хитрости овладѣлъ Хотаномъ, нехотѣвшимъ признать его власти, и поставилъ вездѣ правителями своихъ довѣренныхъ людей. Много помогли Якубъ-беку его умные и талантливые сыновья, особенно старшій, Бекъ-Кулы. Онъ начальствовалъ войскомъ, покорившимъ провинціи Западнаго Китая, занятыя дунганами, въ томъ числѣ города Урумчи и Манасъ, до которыхъ вновь добираются китайцы, покончившіе съ дунганами, внутри Великой Стѣны. Подъ руководствомъ Бекъ-Кулы производились и тѣ замѣчательныя инженерныя работы въ ущельѣ рѣки Тоинъ (чакмакскія укрѣпленія), о которыхъ говорятъ Форсайтъ и баронъ Каульбарсъ. Въ теченіи десяти лѣтъ своего управленія Кашгаромъ, Якубъ-бекъ сдѣлалъ весьма много, чтобъ утвердить обладаніе Кашгаромъ за собою и за своимъ потомствомъ: онъ распространилъ свою власть на сѣверовостокъ отъ Кашгара, овладѣлъ бы Кульджей, еслибъ его не предупредили русскіе, укрѣпилъ свою сѣверную границу, вошолъ въ сношенія съ султаномъ и съ англичанами. Съ ближайшимъ сосѣдомъ своимъ, коканскимъ ханомъ, Якубъ-бекъ, хотя и не враждовалъ явно, но былъ, какъ говорится, не въ ладахъ. Впрочемъ, коканскій ханъ Худояръ, въ

1871 году, пытался сблизиться съ Якубъ-бекомъ: посланникъ Худояра, Сарымсакъ-Удайчи, прибылъ въ Кашгаръ съ письмомъ хана. Якубъ-бекъ встрѣтилъ посланца очень ласково, принялъ письмо хана, потеръ имъ глаза, поцаловалъ, положилъ къ себѣ за пазуху, на голую грудь, и, подержавъ тамъ нѣсколько времени, наконецъ, прочолъ его. Вся эта смѣшная процедура должна была изображать крайнюю степень уваженія Якубъ-бека къ письму хана. Говоря съ коканскимъ посланникомъ о ханѣ, онъ называлъ его не иначе, какъ хазретъ (господинъ владыка), увѣрялъ, что онъ чувствуетъ передъ нимъ свое ничтожество, что онъ всегда будетъ признавать его своимъ верховнымъ главою и т. п. Однако, этими фразами дѣло и кончилось. Сарымсакъ-Удайчи прожилъ нѣсколько мѣсяцовъ въ Кашгарѣ. Якубъ-бекъ, послѣ перваго свиданія съ коканскимъ посланникомъ, какъ будто вовсе забылъ о немъ. Когда, наконецъ, Сарымсакъ-Удайчи былъ отпущенъ обратно, въ Коканъ, Якубъ-бекъ далъ ему письмо, далеко не такое почтительное, какъ тѣ фразы, которыя онъ разсыпалъ еще недавно; Сарымсакъ-Удайчи уѣхалъ взбѣшонный двуличностью Якубъ-бека. Точно такія же фразы о своемъ ничтожествѣ, о величіи и блескѣ Англіи Якубъ-бекъ говорилъ Р. Шау, въ бытность его въ Кашгарѣ, говорилъ то же самое, вѣроятно, и Форсайту.

Съ Россіей Якубъ-бекъ долгое время видимо избѣгалъ входить въ какія бы то ни было сношенія, для чего, по возможности, стѣснялъ русскую торговлю въ Кашгарѣ. Трудно сказать—предчувствовалъ ли онъ, что русскіе, неотразимо подвигающіеся все далѣе и далѣе къ юго-востоку, наложатъ, наконецъ, руку и на Джиты-шаръ, или просто дѣйствовалъ, какъ монополистъ, скупая привозимые русскіе товары. Вѣроятнѣе всего, что образъ дѣйствій его обусловливался обоими побужденіями. Однако, Якубъ-бекъ вскорѣ увидѣлъ, что ему, волей или неволей, придется вступить въ сношенія съ нами. Стѣсненія русской торговли въ Кашгарѣ постоянно возбуждали справедливое негодованіе и туркестанской администраціи, и всего русскаго общества. Надобно было привести дѣло къ какому-нибудь концу: или силою принудить Якубъ-бека уважать наши требованія и открыть Кашгаръ для русской торговли, или до

вести до этого Якубъ-бека миролюбивыми средствами. Въ началѣ 1872 года, отправлено было къ Якубъ-беку изъ Ташкента письмо, въ которомъ категорически заявлялись всѣ наши требованія и говорилось объ отвѣтственности, которую принимаетъ на себя Якубъ-бекъ своимъ вызывающимъ образомъ дѣйствій. Въ заключеніе, прямо заявлялось, что, если онъ не хочетъ жить съ нами, какъ добрый сосѣдъ, то пусть ожидаетъ къ себѣ русскіе батальйоны. Отъ отвѣта Якубъ-бека зависѣло: быть походу въ Кашгаръ или не быть? Въ Азіи базарные слухи расходятся чрезвычайно быстро; такъ и слухъ о предстоящемъ походѣ на Кашгаръ распространился вскорѣ по городу и, безъ сомнѣнія, проникъ и въ Кашгаръ. Якубъ-бекъ тогда написалъ генерал-губернатору, что, желая мира съ Россіей, онъ проситъ прислать кого-нибудь для переговоровъ, но только лично отъ генерал-губернатора, а не чрезъ кокандскаго хана, какъ бо́льшею частью производились до того времени сношенія съ Кашгаромъ. «Кого бы ни прислалъ генерал-губернаторъ (ярымъ-падша), хотя бы самаго послѣдняго пастуха, я и того приму съ радостью—заявлялъ Якубъ-бекъ—но чрезъ Худояръ-хана я не хочу имѣть никакихъ сношеній. Я считаю себя равнымъ ему». Затѣмъ Якубъ-бекъ приводилъ доказательства своего миролюбія, говорилъ объ отправкѣ въ Вѣрный своего посланца, Шади-мирзы, и т. п. Вслѣдствіе письма бадаулета (какъ въ то время сталъ титуловаться Якубъ-бекъ), генерал-губернаторъ рѣшилъ отправить въ Кашгаръ посольство. Главнымъ лицомъ миссіи былъ подполковникъ баронъ Каульбарсъ, членами: геодезистъ Шарнгорстъ, топографы Старцевъ и Скасси, есаулъ Колокольцовъ и купецъ Колесниковъ. Несмотря, однако, на возможность мирнаго исхода, сдѣланы были, на всякій случай, нѣкоторыя военныя приготовленія: на горной дорогѣ, между Токмакомъ и Нарыномъ, сформированъ отрядъ изъ пяти ротъ саперной команды и гарнизона нарынскаго укрѣпленія для разработки дороги. Оказывалось, что на этомъ пространствѣ сосредоточено было шесть ротъ, 1 сотня, саперная команда и 2 горныя орудія. Въ резервѣ за этимъ передовымъ отрядомъ стоялъ выставленный лагеремъ при входѣ въ Буамское ущелье, для практической стрѣльбы, дивизіонъ артилеріи. Тянь-шанскій отрядъ,

расположенный при входѣ на Музартъ, былъ усиленъ до 2 хъ ротъ и 1-й сотни, при 2-хъ орудіяхъ. Въ видѣ резерва для обоихъ упомянутыхъ отрядовъ сосредоточены были въ Караколѣ 3 роты и 1 1/2 сотни. Войска въ Кульджинскомъ Краѣ и въ Ташкентѣ были оставлены въ томъ же составѣ и безъ перемѣны дислокаціи.

Въ апрѣлѣ 1872 года, когда посольство барона Каульбарса уже выѣхало изъ Ташкента, получено было въ Ташкентѣ, коканскимъ уполномоченнымъ Мирзою-Хакимомъ, довольно странное письмо изъ Кашгара. Дѣло въ томъ, что еще въ 1869 году въ Кашгаръ уѣхалъ одинъ изъ близкихъ пріятелей Якубъ-бека, коканскій житель Ахраръ-ханъ-тюря. Зная о враждебныхъ отношеніяхъ между Худояръ-ханомъ и Якубъ-бекомъ, Ахраръ-ханъ побоялся ѣхать въ Кашгаръ прямо изъ Кокана и предпочолъ пробраться туда черезъ Ташкентъ, Токмакъ и Нарынъ. Ахраръ-ханъ-тюря представлялся въ Ташкентѣ генералъ-губернатору, очень хвалилъ Якубъ-бека, называя его умнымъ, справедливымъ и доступнымъ для всѣхъ. «Не знаю — говорилъ Ахраръ-ханъ — можетъ быть, теперь голова его закружилась и онъ уже не тотъ, какимъ былъ прежде; но я, всетаки, надѣюсь, что найду его такимъ же». Ахраръ-ханъ-тюря прибылъ въ Кашгаръ, гдѣ Якубъ-бекъ, дѣйствительно, ласково принялъ его. Онъ былъ съ кашгарскимъ войскомъ при взятіи Урумчи и, наконецъ, уѣхалъ въ Мекку черезъ Индію. Отъ имени Ахраръ-ханъ-тюря получилъ письмо коканскій уполномоченный Мирза-Хахимъ, но, вѣроятно, оно было написано, по приказанію Якубъ-бека, кѣмъ - нибудь другимъ, но не Ахраръ-ханомъ; даже подпись на письмѣ оказывалась невѣрная: оно подписано было: Ахраръ-*ходжа*-тюря и начиналось слѣдующими словами: «мнѣ хорошо извѣстны всѣ мысли и намѣренія счастливѣйшаго (бадаулетъ); вотъ, что онъ мнѣ говорилъ недавно...» Затѣмъ слѣдовало, что Якубъ-бекъ не хочетъ и не можетъ переговариваться съ русскими чрезъ Худояръ-хана; Якубъ-бекъ желалъ бы войти въ прямыя сношенія съ Ташкентомъ. Онъ знаетъ силу Россіи, знаетъ, что борьба съ русскими будетъ для него гибельна. Но смерть его не страшитъ и онъ приметъ ее, какъ истинный мусульманинъ, умирающій за свою вѣру. Затѣмъ Якубъ-бекъ

еще разъ повторяетъ, что онъ не хочетъ борьбы и приметъ ее въ крайнемъ случаѣ. Онъ ищетъ мира и дружбы и желалъ бы видѣть у себя русское посольство. Переговоры барона Каульбарса съ Якубъ-бекомъ повели къ заключенію дружескаго торговаго договора. Они, впрочемъ, едва не кончились неблагополучно. Первоначально Якубъ-бекъ былъ очень любезенъ, соглашался на все и обѣщалъ подписать трактатъ. Но потомъ сталъ медлить, отказался вызвать къ двю подписанія трактата почотныхъ людей изъ городовъ Джитышара, какъ предполагалъ спачала. Въ третье свиданіе съ барономъ Каульбарсомъ Якубъ-бекъ велъ себя странно, былъ угрюмъ, почти не говорилъ ничего, подъ разными предлогами затруднялъ поѣздку барона Каульбарса и Колесникова въ Яркендъ. Причина неудовольствія Якубъ-бека, вѣроятно, была слѣдующая: за Чу, въ степи, у входа въ Буамское Ущелье, была расположена артилерія для практическихъ занятій. Первоначально предполагали двинуть ее въ горы, но баронъ Каульбарсъ упросилъ отмѣнить это движеніе, чтобъ не помѣшать успѣху посольства. Пріѣхавшіе въ Кашгаръ киргизы разсказали Якубъ-беку, что русскіе готовятся къ войнѣ и что войска ихъ и артилерія уже выдвинуты въ горы. То же подтвердила и жена Якубъ-бека, проѣзжавшая въ это время изъ Пскента (большое село въ окрестностяхъ Ташкента) чрезъ Токмакъ и Нарынъ. Якубъ-бекъ — уроженецъ Пскента; отправляясь во главѣ коканскаго отряда въ Кашгаръ, онъ оставилъ въ Ташкентѣ и Пскентѣ свою семью, которая и начала, мало-по-малу, перебираться къ нему, въ Кашгаръ, когда положеніе Якубъ-бека уже окончательно упрочилось. Одинъ же изъ сыновей Якубъ-бека отправился къ своему отцу только нынѣшнею зимой. Въ Нарынѣ жена Якубъ-бека замѣтила много печей, въ которыхъ пеклись походные сухари; этого было достаточно для подозрительнаго азіатца, чтобъ счесть посольство барона Каульбарса хитростью, а его самого шпіономъ, подосланнымъ для изслѣдованія дороги въ Кашгаръ. Якубъ-бекъ сталъ обращаться съ нимъ сухо. Онъ прямо сказалъ ему: «я хочу мира и дружбы; если генералъ-губернаторъ (ярым-падша) пойдетъ на меня войной, я все отдамъ ему безъ боя, потому что не хочу проли-

вать безъ пользы кровь моихъ подданныхъ. Но если русскіе будутъ притѣснять нашу вѣру, тогда я первый встану противъ нихъ, во главѣ моего войска, и если буду убитъ, то паду, какъ истинный мусульманинъ, защищающій свою вѣру».

Договоръ, заключонный барономъ Каульбарсомъ, возбудилъ большія надежды на дальнѣйшій успѣхъ мирныхъ сношеній съ Кашгаромъ. Ожидали, что наша торговля разовьется въ этомъ краѣ, а всѣ притѣсненія и ограниченія ея въ Джитышарѣ отнынѣ не будутъ имѣть мѣста. Однако, надежды оказались преувеличенными: поступки Якубъ-бека съ караваномъ купцовъ Пупышевыхъ, въ прошломъ году, снова возбудили наше неудовольствіе.

Голосъ 1874 г. № 227.

Изъ Ташкента, *30-го іюля* (*корреспонденція «Голоса»*). — Изъ всѣхъ хановъ, эмировъ, бековъ, ша и другихъ азіатскихъ вдадыкъ Якубъ-бекъ, нынѣшній эмиръ кашгарскій — безспорно, умнѣйшій и даровитѣйшій. Одно то, что онъ изъ предводителей небольшого кокансваго отряда возвысился до степени полновластнаго государя обширной страны, доказываетъ его способности. Онъ достигъ престола не волею народа, призвавшаго его, а такъ сказать, принудилъ кашгарцовъ, а затѣмъ и жителей другихъ городовъ Джитышара, признать его своимъ главою. Тѣмъ болѣе непонятно недружелюбіе, съ какимъ Якубъ-бекъ относится къ сосѣдней и сильной Россіи.

Впрочемъ, отношенія Якубъ-бека къ Россіи или, вѣрнѣе, къ Ташкенту нельзя еще назвать враждебными. Иногда онъ бываетъ уступчивъ (въ письмахъ), разсуждаетъ весьма здраво, выказываетъ полную готовность сдѣлать съ своей стороны все, чтобъ избѣжать ссоры съ нами. Случается, что возвращающіеся изъ Кашгара купцы не находятъ словъ для похвалъ уму и справедливости Якубъ-бека. Но щедрый на фразы, обѣщанія, лесть, Якубъ-бекъ почти всегда оказывается далеко не такимъ, когда отъ словъ должно перейти къ дѣлу. Это яснѣе всего можно видѣть изъ столкновенія съ нимъ, по поводу убытковъ, купца Сомова.

Сомовъ отправился въ Кашгаръ съ караваномъ купцовъ Пупышевыхъ, надѣясь на свободу торговли, установленную договоромъ, заключеннымъ, въ 1872 году, баропомъ Каульбарсомъ. Къ удивленію

какъ самого Сомова, такъ и всѣхъ властей въ Ташкентѣ, договоръ оказался мертвою буквою. Сомова никуда не пускали далѣе караван-сарая, гдѣ онъ остановился; о поѣздкахъ въ Яркендъ и Хотанъ, на которыя онъ разсчитывалъ, не могло быть и рѣчи. Большую часть товаровъ Сомова Якубъ-бекъ закупилъ для себя, и только треть ихъ могла быть продана кашгарскимъ купцамъ. Лишившись выгодъ свободной продажи товаровъ, Сомовъ, сверхъ того, впродолженіи двухъ мѣсяцовъ, не получалъ слѣдовавшихъ ему денегъ отъ Якубъ-бека. Только 27-го сентября зякетчи сдали Сомову, въ уплату долга казны, ямбы, считая каждую по 128 руб., тогда какъ цѣна ихъ въ Вѣрномъ не выше 115 руб. Такимъ образомъ, Сомовъ получилъ за свой товаръ, оцѣненный при взиманіи зякета (торговой пошлины) въ 48,000 рублей, только 33 тысячи рублей. Возвратясь въ Ташкентъ, онъ, конечно, жаловался на эти притѣсненія; потребовано было объясненіе отъ Якубъ-бека. Кашгарскій эмиръ, въ свою очередь, отвергалъ всѣ показанія Сомова, увѣряя, что ему не было дѣлаемо никакихъ притѣсненій, что онъ по доброй волѣ остановился въ караван-сараѣ, могъ всегда ѣздить по городу; что же касается закупки товаровъ самимъ Якубъ-бекомъ, то онъ объяснялъ это уловкою одного изъ своихъ зякетчи, Чуро-бая, который купилъ товаръ для себя, но, чтобъ затратить на покупку поменьше денегъ, сказалъ, что покупаетъ товары для Якубъ-бека. Для окончательнаго оправданія, Якубъ-бекъ отправилъ въ Ташкентъ торговую депутацію изъ четырехъ купцовъ, посредничавшихъ при продажѣ товара и хорошо знавшихъ весь ходъ этого дѣла. Сдѣлавъ это, Якубъ-бекъ былъ увѣренъ, что вопросъ объ убыткахъ Сомова совершенно улаженъ, и въ письмахъ своихъ къ генералу Колпаковскому только вскользь упоминалъ о претензіяхъ этого купца. Между тѣмъ, въ Ташкентѣ комисія, разсматривавшая жалобу Сомова, высчитала убытокъ, понесенный имъ, въ 12 тысячъ; въ этомъ смыслѣ было написано письмо, отправленное къ Якубъ-беку съ депутаціей.

Всѣхъ интересовалъ вопросъ: что скажетъ Якубъ-бекъ? Отвѣтъ пришолъ, какъ и ожидали многіе, весьма удовлетворительный. Властитель Кашгара писалъ, что онъ очень жалѣетъ о возникшихъ недоразумѣніяхъ и го-

товъ заплатить не только 12,000, но даже вдесятеро болѣе, еслибъ потребовалось. «Наше государство молодо» писалъ онъ, «ошибки всегда возможны, и строго взыскивать за нихъ нельзя». Письмо оканчивалось обѣщаніемъ прислать требуемую сумму вмѣстѣ съ особымъ посольствомъ, которое Якубъ-бекъ обѣщалъ отправить въ Ташкентъ, ко времени пріѣзда генералгубернатора изъ Петербурга. Казалось бы, что миролюбивѣе этого письма трудно было ожидать. Но прошло нѣсколько мѣсяцовъ, а въ Ташкентѣ нѣтъ еще ни посольства, ни денегъ. Между тѣмъ, пока шли переговоры, въ Кашгаръ возвратился изъ Константинополя посланецъ Якубъ-бека, бывшій дадаулетъ кашгарскій; Якубъ-бекъ, принялъ титулъ эмира; въ Кашгарѣ побывало англійское посольство Форсайта, съ огромною свитой, составленной почти исключительно изъ военныхъ людей. Эмиръ укрѣпляетъ свою границу со стороны Россіи и сдѣлалъ всѣ горные проходы въ Кашгаръ со стороны Иссыкъ-куля если и не недоступными, то, по крайней мѣрѣ— трудно доступными. Сильныя укрѣпленія ростутъ повсюду. Войско, сражавшееся подъ Урумчи, возвратилось въ Кашгаръ, вмѣстѣ съ талантливымъ сыномъ Якубъ-бека, Бекъ-кули-ханомъ. Кашгарскую артилерію баронъ Каульбарсъ еще въ 1872 году находилъ очень хорошею, и теперь она, конечно, не хуже прежняго. Войска Якубъ-бека обучаютъ инструкторы, призванные изъ Афгани тана, Индіи и Турціи; при военныхъ эволюціяхъ раздаются англійскія команды. Якубъ-бекъ, очевидно, старается, не входя въ тѣсное сближеніе съ Россіей, продлить мирныя отношенія къ намъ и воспользоваться этимъ временемъ для усиленія насколько возможно.

Какую же цѣль преслѣдуетъ при этомъ Якубъ-бекъ? Еслибъ онъ откровенно пожелалъ войти въ торговыя и дружескія отношенія съ русскими, онъ давно могъ бы сдѣлать это; къ тому представлялось слишкомъ много случаевъ. Но эмиръ вовсе не хочетъ близкихъ сношеній и открещивается отъ нихъ всѣми мѣрами. Роль полувасала, въ родѣ той, которая досталась на долю коканскаго или хивинскаго хана, возмущаетъ его гордость. Кто знаетъ, о чомъ мечтаетъ этотъ энергическій, умный и коварный азіатскій деспотъ? Не думаетъ ли онъ о возможности поспорить съ нами

за обладаніе Азіей, конечно, не теперь, а впослѣдствіи, когда мы сами дадимъ ему возможность усилиться? Мало ли что можетъ взбрести въ голову самолюбивому деспоту! А что онъ вовсе не желаетъ быть правителемъ государства въ европейскомъ смыслѣ этого слова—доказательства тому имѣются на лицо; иначе онъ давно бы воспользовался представлявшимся не разъ случаемъ войти въ тѣсныя сношенія съ русскими.

Весьма характеристиченъ случай, разсказываемый Сомовымъ: разъ, на базарѣ, онъ слышалъ проповѣдь уличнаго муллы-дервиша. Проповѣдникъ говорилъ о томъ, какъ хитро и постепенно невѣрные овладѣваютъ мусульманскими землями. «Сперва является одинъ купецъ, такой, напримѣръ, какъ этотъ—прибавилъ мулла, указывая на Сомова—за нимъ идетъ другой, третій; потомъ является ихъ уже нѣсколько разомъ; наконецъ, приходятъ войска невѣрныхъ и овладѣваютъ страною». Въ виду такого недружелюбнаго заявленія, Сомовъ, конечно, поспѣшилъ убраться съ базара. Нѣтъ сомнѣнія, что и Якубъ-бекъ думаетъ то же, что и мулла-проповѣдникъ. Потому-то онъ отдаляетъ войну, сознавая ея гибельныя послѣдствія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣми мѣрами отдаляетъ и минуту сближенія съ Россіей.

Голосъ 1874 г. № 234.

Изъ Ташкента (*кореспонденція «Голоса»*). — Крайняя, восточная граница туркестанскаго генерал-губернаторства прилегаетъ къ Китаю; такъ было, по крайней мѣрѣ, до 1863 года, когда возстаніе китайскихъ мусульманъ хой-хой отрѣзало нашу восточную границу отъ собственно китайскихъ областей широкимъ поясомъ независимой территоріи. Это возстаніе извѣстно подъ именемъ «дунганскаго», потому что дунганамъ (окитаившимся тюркскимъ выходцамъ изъ Средней Азіи) принадлежитъ починъ мятежа; къ дунганамъ присоединились таранчи, т. е. насильственно сосланные въ кульджинскій районъ сарты Восточнаго Туркестана (Кашгара), киргизы и вообще всѣ поселенные или поселившіеся въ областяхъ Западнаго Китая мусульмане. Началась безчеловѣчная рѣзня и поголовное истребленіе китайцовъ, манджуровъ, калмыковъ, сибо, солоновъ, торгоутовъ и вообще всѣхъ не-мусульманъ. Вначалѣ, дунгане и таранчи дѣйствовали единодушно, но вскорѣ между ними началась вражда, и таранчи, какъ болѣе свѣжее племя, одолѣли. Въ битвѣ при Баяндаѣ кульджинскіе дунгане были разбиты на голову; сѣвшившіе къ нимъ на помощь урумчинскіе дунгане поторопились вернуться назадъ, и въ Кульджѣ образовалось отдѣльное мусульманское владѣніе подъ владычествомъ таранчинскаго султана. Такимъ образомъ, когда первый взрывъ возстанія улегся, на нашей восточной границѣ оказались, вмѣсто прежней, сплошной китайской территоріи, отдѣльныя небольшія государства: Кашгаръ (Джитышаръ), подъ владычествомъ кокандскаго выходца Якубъ-бека, и Кульджа, подъ владычествомъ таранчинскихъ султановъ (послѣдній изъ нихъ былъ Абиль-Огля). Центромъ независимыхъ дунганей сталъ городъ Урумчи, нѣкогда богатый китайскій чайный рынокъ. Кочевое и частью осѣдлое монгольское населеніе, будисты по вѣрѣ, гуще всего сгруппировалось въ окрестно-

стяхъ разореннаго мусульманами Чугучака. Это мѣсто и избрали впослѣдствіи китайцы базисомъ, когда задумали возстановить свою утраченную власть.

Истребленіе китайцовъ и калмыковъ мусульманами совершено на нашихъ глазахъ. Борохудзирскій отрядъ видѣлъ, какъ на другомъ, китайскомъ берегу рѣчки Борохудзиръ происходила рѣзня. Солдаты и казаки рвались на помощь несчастнымъ, беззащитнымъ китайцамъ, буквально обезумѣвшимъ отъ страха. Толпы китайцовъ и калмыковъ, въ смертельномъ ужасѣ, падали ницъ, при видѣ небольшой кучки мусульманъ; тѣ подъѣзжали и рубили имъ головы, какъ баранамъ. Вся мѣстность отъ бывшаго нашего пограничнаго поста Борохудзира почти до самой Кульджи, еще два года назадъ, была покрыта черепами и человѣческими костями. Мы оставались безучастными зрителями, потому что пограничные начальники не получили разрѣшенія вмѣшаться въ дѣла, происходившія не на русской землѣ. Мы ограничились только тѣмъ, что приняли подъ свою охрану, пріютили и дали всѣ средства къ жизни толпамъ бѣглецовъ, переходившимъ къ намъ. Эти китайскіе эмигранты живутъ и теперь у насъ, въ Борохудзирѣ, Саркандѣ, Коксу и частью въ Вѣрномъ. До 800 человѣкъ изъ нихъ приняли православіе и записались въ казачье сословіе: это—нынѣшніе жители Саркана и Коксу, поселившіеся здѣсь вмѣстѣ съ русскими переселенцами и казаками.

Дунганское возстаніе въ западныхъ областяхъ Китая возбудило въ нѣкоторыхъ крайне преувеличенныя ожиданія. Знатокъ Средней Азіи, въ засѣданіи императорскаго географическаго общества заявилъ о возникающемъ, на мѣстѣ одряхлѣвшаго Китая, молодомъ и здоровомъ дунганскомъ государствѣ, которому предстоитъ играть впослѣдствіи блестящую роль въ судьбахъ этой части свѣта, что, разумѣется, не оправдалось послѣдующими событіями. Дунганцы оказались лѣнивымъ и непроизводительнымъ народомъ. Заграбивъ китайскія сокровища, они пользовались ими самымъ неразсчотливымъ образомъ и постепенно впадали въ бѣдность. О той энергіи въ трудѣ, какою отличаются китайцы, не было и помину. Кульджинскіе таранчи поддерживали барантачей, которые дѣла-

ли набѣги на нашу границу, грабили киргизовъ и, затѣмъ, скрывались въ кульджинскихъ предѣлахъ. Дѣло дошло до того, что былъ отбарантованъ даже артилерійскій табунъ, въ окрестностяхъ Лепсы. Киргизы кызаевскаго рода, виновные въ этой дерзкой барантѣ, какъ и всѣ другіе, скрылись подъ покровительство кульджинцовъ. Даже почтовый трактъ изъ Сибири въ Семирѣчье сдѣлался небезопасенъ: близь царицынскаго пикета былъ ограбленъ и изранен помощникъ капальскаго уѣзднаго начальника, майоръ Зборенко, и ограбленныя у него вещи оказались, по розыску, въ Кульджѣ. Всему этому необходимо было, наконецъ, положить предѣлъ, и экспедиція въ Кульджу была рѣшена. Китайскому правительству еще прежде было сдѣлано предложеніе дѣйствовать совмѣстно съ нашими отрядами, въ случаѣ движенія къ Кульджѣ и Урумчи. Но пекинскія власти отвѣчали, что въ данную минуту они не находятъ силъ предпринять движеніе въ занятые инсургентами округа Западнаго Китая.

Еще не былъ получонъ отвѣтъ отъ пекинскаго правительства, какъ разъигралась кульджинская экспедиція. Поводомъ къ открытію военныхъ дѣйствій было откочеваніе въ кульджинскіе предѣлы богатаго киргиза Тазабека со всѣмъ своимъ родомъ. Послано было нѣсколько казаковъ вернуть Тазабека, но кульджинскій отрядъ заслонилъ бѣглецовъ, а султанъ ласково принялъ ихъ и отвелъ имъ для кочевокъ мѣсто за Кульджею. Начавшіяся военныя дѣйствія кончились добровольною сдачею Кульджи, 22-го іюня 1871 года, и плѣномъ султана Абиль-Огля, который и понынѣ живетъ въ Вѣрномъ частнымъ человѣкомъ. Кульджинскій районъ (долина верхняго и средняго теченія рѣки Или) былъ занятъ нашими войсками.

Между тѣмъ, пекинское правительство, узнавъ о занятіи русскими Кульджинскаго Края, заявило, что оно готово принять Кульджу въ свое вѣдѣніе и назначило одного изъ своихъ сановниковъ, Жуна, дзянь-дзюнемъ (генерал-губернаторомъ) Илійской Провинціи. Жунъ прибылъ съ небольшимъ отрядомъ въ Чугучакъ и весьма смѣло сталъ требовать, чтобъ Кульджа была передана въ его управленіе. Вслѣдъ за своимъ прибытіемъ, онъ издалъ прокламацію, гдѣ объ-

щалъ полное прощеніе и пощаду тѣмъ изъ калмыковъ и китайцовъ, которые, изъ страха смерти, согласились признать надъ собою власть таранчинскаго султана. «Только мятежники мусульмане будутъ строго наказаны», прибавлялъ Жунъ въ своей прокламаціи. Это воззваніе обѣщало снова рѣзню, въ случаѣ водворенія китайцовъ въ Илійской Провинціи. Понятно, что дунгане и таранчи, жители Кульджинскаго Края, сильно встревожились грознымъ и самоувѣреннымъ тономъ воззванія, и рѣшительно высказались, что они не допустятъ, чтобъ китайцы снова водворились въ Кульджѣ. Если русскіе передадутъ Кульджу китайцамъ—говорили депутаты, являвшіеся по этому поводу къ генералу Колпаковскому—то мы или перерѣжемъ снова китайцовъ, или убьемъ самихъ себя, своихъ женъ и дѣтей».

Возникъ вопросъ: отдавать или не отдавать Кульджу китайцамъ? стоитъ ли этотъ двуличный, хитрый народъ, чтобъ мы для нихъ проливали кровь? Наконецъ, какія выгоды сулитъ намъ въ будущемъ водвореніе китайцовъ въ Кульджѣ? Всѣ, безпристрастно обсуждавшіе этотъ вопросъ, давали на него отрицательный отвѣтъ. Сверхъ того, ясно было для всѣхъ, что китайцы своими силами не могутъ удержать въ повиновеніи кульджинскихъ таранчей и дунганъ; оттого-то китайцы, добиваясь, чтобъ мы передали имъ Кульджу, заявляли желаніе, чтобъ наши войска на время еще оставались въ краѣ, въ качествѣ тѣлохранителей Жуна и цѣлой толпы чиновниковъ-грабителей. Такимъ образомъ, по разсчоту китайцовъ, мы должны были сдерживать народъ и давать возможность китайскимъ чиновникамъ безнаказанно предаваться всевозможнымъ жестокостямъ. Такую роль Россія, ни въ какомъ случаѣ, не могла уже принять на себя.

Замѣчательно, что, готовясь принять отъ насъ Илійскій Край, китайцы вовсе не считали этого за услугу съ нашей стороны; при извѣстіи о нашемъ движеніи на Кульджу и Урумчи, богдыханъ выслалъ небольшой отрядъ «противъ русскихъ бездѣльниковъ», какъ ему угодно было выразиться въ именномъ указѣ, данномъ командующему этимъ отрядомъ!...

Всѣ эти соображенія заставили отложить на неопредѣленное время возвращеніе китайцамъ

Кульджи и, не присоединяя ея къ русскимъ владѣніямъ, продолжать занятіе Кульджинскаго Края русскими войсками, тѣмъ болѣе, что безсиліе китайцовъ явно обнаружилось въ періодъ времени между 1871 и 1874 годами. Дзянь-дзюнь Жунъ каждый годъ объявлялъ, что онъ съ минуты на минуту ожидаетъ къ себѣ большой арміи и тогда силою займетъ Кульджу и другіе отпавшіе города западнаго края. Никакого войска, конечно, не приходило; между тѣмъ, Жунъ, распуская слухи о скоромъ прибытіи сильнаго китайскаго войска, о мнимыхъ побѣдахъ китайцовъ надъ инсургентами, раздавая денежные подарки, старался склонить на свою сторону торгоутовъ, калмыковъ и другихъ монголовъ Кульджинскаго Края. Оказалось, что въ Кульджѣ одинъ изъ торгоутскихъ старшинъ, Кармана, возведенъ въ званіе помощника дзянь-дзюня и ему поручено собирать подати съ торгоутовъ, вербовать въ ихъ средѣ войско на помощь отряду Жуна, и т. п. Разумѣется, Кармана тотчасъ же былъ удаленъ изъ Кульджи.

Несмотря на громогласныя заявленія Жуна, дѣла китайцовъ въ Западномъ Китаѣ до сихъ поръ еще очень плохи. Одинъ только успѣхъ одержали китайцы: имъ удалось взять городъ Су-чжоу и подавить возстаніе въ провинціи Гань-су. Жители Су-чжоу были всѣ перебиты. Разсѣянные дунгане бросились изъ Гань-су на западъ, разграбили Булунъ-Тохай и распространили панику по всей территоріи, занятой теперь отрядомъ Жуна. До полнаго подавленія дунганскаго возстанія еще очень далеко, да едва ли оно и возможно для китайцовъ при нынѣшнемъ ихъ положеніи. По крайней мѣрѣ, теперь въ Западномъ Китаѣ идетъ только мелкая, партизанская война между китайцами и дунганами—война, состоящая почти исключительно изъ ряда жестокостей. О какомъ-нибудь крупномъ успѣхѣ отряда Жуна нечего и говорить. Онъ долженъ быть доволенъ уже и тѣмъ, что кое-какъ удерживается въ окрестностяхъ Чугучака, чего онъ не могъ бы сдѣлать, еслибъ не встрѣтилъ поддержки въ смѣломъ и талантливомъ предводителѣ бѣглыхъ китайцовъ, укрывшихся въ Сазанза отъ преслѣдованія дунгапъ. Имя этого предводителя Шуша-Гунъ. Эти бѣглые китайцы-партизаны оказываютъ своимъ соотечественникамъ сильную помощь.

Между тѣмъ, пока Жунъ кичливо объявлялъ

свои права на Кульджу и всю долину Или, отъ бывшихъ западно-китайскихъ владѣній отхватилъ себѣ порядочный кусокъ правитель Кашгара, Якубъ-бекъ. Кашгарцы, подъ предводительствомъ сына Якубъ-бека, талантливаго Бекъ-Кулы, заняли города Урумчи и Манасъ. Если китайцы и въ нынѣшнемъ году не усилятся въ Чугучакѣ, а дунгане будутъ сильно тѣснить калмыковъ и другихъ монголовъ, то необходимость заставитъ насъ перейти за хребетъ Боро-хоро и занять города Шихо и Джинхо. А между тѣмъ, несмотря на такую явную слабость и безсиліе, Жунъ съ каждымъ годомъ становится требовательнѣе и нахальнѣе. Еще недавно онъ писалъ, что уже три года ожидаетъ передачи ему Кульджи и требуетъ, чтобъ ему былъ назначенъ день, когда онъ могъ бы пріѣхать и принять, наконецъ, управленіе краемъ въ свои руки.

Въ такомъ неопредѣленномъ положеніи находится наша западно-китайская граница. И здѣсь также худой миръ; но лучше ли онъ доброй ссоры?

Голосъ 1874 г. № 250.

Изъ Ташкента, *18-го августа* (*корреспонденція «Голоса»*). — По обнародованіи новаго положенія о примѣненіи существующихъ въ Россіи правилъ о пошлинахъ за право торговли и промысловъ къ Туркестанскому Краю, населеніе его встревожилось не на шутку. Для установленія порядка выдачи торговыхъ свидѣтельствъ и билетовъ, счетоводства и отчотности по этому предмету, а также для наблюденія за правильностью торговли, учреждена въ Ташкентѣ особая комисія, подъ предсѣдательствомъ генерал-майора Эйлера. Сверхъ того, вызваны изъ Зарявшанскаго Округа депутаты. Что выработано комисіей, пока неизвѣстно. Туземцы, узнавъ, что вводится новое торговое положеніе и что зякетъ (торговая пошлина въ $2^1/_2$%, установленная кораномъ и общая всему мусульманскому міру) вовсе отмѣняется, приняли это съ крайнимъ неудовольствіемъ, заявляя начальнику города, что генералъ Романовскій и генерал-губернаторъ Крыжановскій обѣщали имъ оставить неприкосновенными всѣ прежніе мѣстные порядки, а теперь, несмотря на обѣщаніе, все туземное, мало-по-малу, уничтожается и замѣняется русскимъ. Новое положеніе, сверхъ того, что не обусловлено кораномъ, увеличиваетъ и размѣръ пошлины, что также крайне нелюбо туземцамъ, готовымъ спорить и драться за каждую чеку (мелкая мѣдная монета, цѣнностью въ $^1/_3$ копейки). Многіе крупные торговцы изъ туземцовъ часто просили о дозволеніи имъ записываться въ гильдіи, но постоянно получали отказъ. Теперь новымъ торговымъ положеніемъ введена гильдейская пошлина, и тѣ же богатые купцы-баи не хотятъ признать ее выгодною для себя только потому, что новое торговое положеніе свалилось къ нимъ неожиданно, какъ снѣгъ на голову. Прежде имъ не давали, а теперь приказываютъ принять. Слѣдовало бы познакомить сначала туземцовъ съ сущностью предполагаемой торговой реформы, перевести на туземный языкъ наши торговые уставы, разъяснить народу, въ чомъ заключаются новыя требованія. Ничего этого, сколько мнѣ извѣстно, не было сдѣлано.

Новое торговое положеніе ложится всею своею тяжестью не на богачей, а на средній и торговый классъ, наиболѣе многочисленный въ краѣ; между тѣмъ, на ихъ-то сочувствіе мы и опирались преимущественно. Была ли настоятельная надобность ставить преграды мелкой торговлѣ, и наоборотъ, возвышать силу и значеніе богатыхъ купцовъ? Вѣдь, теперь ихъ именемъ будетъ прикрываться множество мелкихъ торгашей, и значеніе какого-нибудь Сеид-Азима или Шарофей-бая еще болѣе возвысится. И безъ того уже туземецъ, преспокойно проходящій мимо русскаго начальства, при встрѣчѣ съ Сеид-Азимомъ отвѣшиваетъ ему самый почтительный селямъ. Сеид-Азимъ и теперь — сила въ народѣ.

По прежнимъ порядкамъ, когда караванъ приходилъ въ городъ, зякетный постъ останавливалъ его, приводилъ въ зякетъ-сарай, гдѣ караванъ осматривали, удостовѣрялись, что нѣтъ запрещонныхъ товаровъ (напримѣръ, англійскаго чая или кисеи), оцѣнивали грузы и брали пошлину по $2^1/_2$% съ ихъ стоимости. По новымъ порядкамъ, зякетныхъ постовъ не будетъ, и, конечно, каждый владѣлецъ каравана будетъ показывать свой товаръ принадлежащимъ какому-нибудь Сеид-Азиму или другому купцу 1-й гильдіи. И богатые купцы, безъ сомнѣнія, воспользуются своимъ новымъ выгоднымъ положеніемъ, чтобъ забрать въ свои руки и подчинить своему вліянію массу мелкихъ торгашей.

Самыя значительныя торговыя сношенія наши были до сихъ поръ съ Коканомъ. По официальнымъ свѣдѣніямъ здѣшняго ярмарочнаго комитета, въ теченіи 1873 года, привезено изъ Кокана въ Ташкентъ товаровъ на 1,715,865 р (на 14,232 верблюдахъ, 1,692 лошадяхъ и 1,332 арбахъ); вывезено въ Коканъ на 1,981,823 р. (на 5,860 верблюдахъ, 983 лошадяхъ и 249 арбахъ); провезено изъ Кокана въ города Сыр-Дарьинской и Семирѣченской Области, Троицкъ, Акмоллы, Семипалатинскъ и Оренбургъ на 464,089 р.; провезено въ Коканъ изъ тѣхъ же городовъ на 374,277 руб. Такимъ образомъ, весь годовой оборотъ торговли нашей съ Коканомъ выразится довольно круглою цифрой 4,536,054 руб. Торговыя сношенія наши съ Бухарою менѣе значительны, а съ Кашгаромъ, Кульджей и Хивой — ничтожны.

Въ виду торговаго значенія для насъ Кокана весьма важно, чтобъ въ этомъ хан-

стѣ господствовалъ порядокъ и полная личная и имущественная безопасность каждаго. Къ сожалѣнію, изъ года въ годъ повторяющіеся тамъ безпорядки наносятъ сильный ущербъ нашей торговлѣ. Неурядица съ особенною силой проявилась въ прошломъ году: возмутившіеся кипчаки и кара-киргизы разбили ханскія войска и едва не взяли Уша и Узкента. Зимой, инсургенты притихли и оправившійся отъ испуга ханъ принялся за казни: заподозрѣнныхъ въ измѣнѣ и въ сношеніяхъ съ мятежниками рѣзали и отравляли тысячами. Въ числѣ казненныхъ (не явно, а тайно) были, между прочимъ, мехтеръ и Батыръ-ханъ-тюря, родственникъ хана по второй женѣ. Но жестокія мѣры не усмирили волненія.

Съ наступленіемъ лѣта, мятежъ опять разлился по всему ханству, и, по слухамъ, хану приходится очень плохо. Противъ него возставлены всѣ жители ханства, и мятежникамъ тайно сочувствуютъ всѣ высшія административныя лица Кокана, въ томъ числѣ родной сынъ хана (племянникъ казненнаго Батыръ-ханъ-тюря). Власть хана, какъ говорится, виситъ на волоскѣ. Нельзя вѣрить всѣмъ базарнымъ слухамъ, которые ходятъ по Ташкенту, но вотъ уже нѣсколько дней, какъ разсказываютъ, что мятежники завладѣли городомъ Наманганомъ и что въ числѣ ихъ предводителей находятся два вліятельные киргиза изъ нашего Кураминскаго Уѣзда. Безпорядки въ Коканѣ не только отражаются на общемъ оборотѣ нашей торговли, но даже жизнь и имущество нашихъ купцовъ, живущихъ тамъ, не въ безопасности.

Худаяръ-ханъ, очевидно, не можетъ справиться съ возникшимъ инсурекціоннымъ движеніемъ и, не сегодня, такъ завтра, лишится власти, а можетъ быть, и жизни (озлобленные кипчаки, конечно, не станутъ его щадить). Съ нашей стороны приняты всѣ мѣры, чтобъ возстаніе не находило себѣ пищи и поддержки въ нашихъ предѣлахъ. Еще зимою нынѣшняго года, инсургенты искали себѣ предводителя или, по крайней мѣрѣ, личность, которую они могли бы выставить претендентомъ на коканскій престолъ, и хотѣли залучить въ свои ряды дальняго родственника хана, Абду-Карима, мальчика лѣтъ 15-ти. Мать его бѣжала изъ Кокана, когда ребёнку былъ всего одинъ годъ, и вскорѣ умерла въ Ходжентѣ. До 15-ти лѣтъ Абду-Каримъ не мечталъ ни о какой политической роли и, какъ онъ увѣряетъ, даже вовсе не зналъ о своемъ происхожденіи. Все это очень вѣроятно. Когда инсургенты стали склонять его присоединиться къ нимъ, мальчика, по приказанію исправляющаго должность генералъ-губернатора, генералъ-лейтенанта Колпаковскаго, перевезли изъ Ходжента въ Ташкентъ, чтобъ имѣть его постоянно подъ ближайшимъ надзоромъ. Также былъ временно удаленъ изъ Ходжента въ Чемкентъ одинъ изъ бывшихъ коканскихъ серкеровъ, Абду-Каюмъ, подозрѣваемый въ сношеніяхъ съ инсургентами.

Вообще, безпорядки и волненія въ Коканѣ грозятъ принять весьма серьёзные размѣры и вызвать такія компликаціи, которыя и не предвидѣлись года два-три назадъ.

Голосъ 1874 г. № 264.

Изъ Ташкента, *29-го августа* (*корреспонденція «Голоса»*). — Всѣ мы, забравшіеся въ глубь Азіи, относимся къ туземцамъ свысока, считая ихъ варварами, которымъ остается только съ изумленіемъ смотрѣть на насъ, удивляться нашимъ познаніямъ и поучаться. Но на дѣлѣ чаще всего приходится намъ учиться многому у туземцовъ. Такъ, иригація, о которой у насъ до послѣдняго времени и не думали, въ Азіи развита до совершенства, и ужь, конечно, не мы научимъ среднеазіатцовъ чему-нибудь новому по части искуственнаго орошенія полей. У насъ еще идутъ споры о возможности иригаціи въ Южной Россіи, а азіатцы проводятъ свои оросительные каналы по карнизамъ горныхъ ущелій, иногда на нѣсколько десятковъ саженъ выше ихъ дна; перекидывая канатъ по желобамъ съ одного края тѣснины на другой, устроиваютъ «каризы» (подземные каналы), о которыхъ и «не снилось нашимъ мудрецамъ». Полюбуйтесь на мосты, устроенные сартами въ Зарявшанской Долинѣ и въ горной странѣ къ югу отъ Самарканда, и скажите: какъ долженъ въ душѣ относиться туземецъ къ нашему спеціалисту, который съ 1870 года строитъ мостъ черезъ Чирчикъ и, истративъ болѣе 65-ти тысячъ, ежегодно имѣетъ удовольствіе видѣть, какъ его сооруженіе сносится весеннимъ разливомъ рѣки? Исторія этого моста весьма любопытна. Двое богатыхъ и вліятельныхъ туземцовъ обратились къ военному губернатору съ просьбой разрѣшить имъ построить мостъ черезъ горную рѣчку Чирчикъ у селенія Куйлюкъ, въ восьми верстахъ отъ Ташкента, по тракту въ Ходжентъ. Сначала имъ было дозволено; но впослѣдствіи одинъ изъ нашихъ инженеровъ представилъ смету на это сооруженіе средствами казны. По смѣтѣ потребовалось 42 тысячи рублей. У туземцовъ отнято было данное уже разрѣшеніе, на томъ основаніи, что они «не имѣютъ надлежащихъ техническихъ познаній»,

и дѣло передано спеціалисту. Но, увы! спеціалистъ оказался крайне малосвѣдущимъ въ дѣлѣ сооруженія мостовъ на прихотливыхъ горныхъ рѣчонкахъ. Понадобилось составить новую, дополнительную смету въ 9 тысячъ рублей. Но не успѣлъ еще нашъ строитель получить эту круглую сумму, какъ недостроенный мостъ унесло водой. Опять потребовалась новая выдача денегъ въ 5,000 руб.; начались снова работы, а въ нынѣшнемъ году Чирчикъ опять размылъ и разнесъ постройку. Увѣряютъ, что въ октябрѣ нынѣшняго года мостъ будетъ, всетаки, готовъ; но кто поручится, что онъ уцѣлѣетъ будущею весной? Между тѣмъ, онъ уже сдается въ казну и строитель не останется даже въ отвѣтѣ: «мостъ принятъ въ исправности, а на все остальное — воля божія!» Хорошо еще, что постройка моста черезъ Сыр-Дарью, у Ходжента, не была поручена спеціалисту—прекрасный и крѣпкій ходжентскій мостъ строилъ отставной артилерійскій офицеръ Флавицкій.

Есть у насъ также водопроводъ, по которому не идетъ ни одной капли воды; есть построенныя казенныя зданія, которыя понадобилось на слѣдующій же годъ подпирать изнутри бревнами (напримѣръ, бывшую канцелярію генерал-губернатора).

А каковы лотины на Аму-Дарьѣ, сооруженныя невѣжественными хивинскими узбеками? Объ этихъ плотинахъ стоитъ сказать нѣсколько словъ. Аму-Дарья, въ низовьяхъ своихъ, подобно устьямъ Волги и другихъ рѣкъ, разбивается на множество протоковъ, большею частью непроходимыхъ для такихъ-крупныхъ судовъ, какъ аральскіе пароходы. Подобными же мелями загромождено устье Сыр-Дарьи, и выходъ изъ нея въ море очень затруднителенъ. Бутаковъ, при движеніи своемъ по Аму-Дарьѣ къ Кунграду, въ 1858 и 1859 годахъ, нашолъ наиболѣе проходимымъ для пароходовъ протокъ Улькун-Дарью (Большая рѣка) и поднимался по немъ до Кунграда. Съ того времени до прошлаго лѣта не имѣлось никакихъ новыхъ, опредѣленныхъ свѣдѣній объ устьяхъ Аму-Дарьи. Когда экспедиціонные отряды двинуты были, въ мартѣ 1873 года, противъ Хивы, изъ Казалинска (мѣста стоянки пароходовъ нашей аральской флотиліи) отправлены были также къ устьямъ Аму пароходы «Самаркандъ» и

«Перовскій». Предполагалось пройти бутаковскимъ путемъ, по Улькун-Дарьѣ, и войти въ связь съ отрядами, подступавшими къ Хивѣ съ трехъ сторонъ сухимъ путемъ. Но пароходы, дойдя съ различными препятствіями до Улькун-Дарьѣ, встрѣтили здѣсь неожиданное затрудненіе: протокъ былъ перегороженъ плотиной, которая дѣлала дальнѣйшее движеніе по Улькун-Дарьѣ совершенно невозможнымъ. Эти плотины, возбудившія общее удивленіе, были построены хивинцами послѣ посѣщенія Кунграда русскими пароходами, чтобъ на будущее время не допустить подобныхъ непріятныхъ визитовъ. Сооруженія оказались до того прочны, что ихъ нетолько не размыло водой (Аму-Дарья отличается необыкновенно быстрымъ теченіемъ), но даже въ промежутокъ времени, съ 1859 по 1873 годъ, онѣ окрѣпли такъ, что разрушеніе ихъ сдѣлалось положительно невозможнымъ. Еще въ прошломъ году, во время пребыванія нашихъ отрядовъ въ Хивѣ, были сдѣланы изысканія, чтобъ найти выходъ изъ Аму-Дарьи въ море. Вначалѣ, генералъ Кауфманъ не соглашался на предложенное ему ханомъ разрушеніе улькун-дарьинскихъ плотинъ, опасаясь разстроить нынѣшнюю систему ирригаціи въ обработанныхъ земляхъ аму-дарьинской дельты и тѣмъ разорить народъ. Но изслѣдованія убѣдили, что отъ разрушенія плотинъ хозяйство аму-дарьинскихъ киргизовъ и каракалпаковъ не потерпитъ ущерба, а напротивъ, будутъ осушены большія пространства затопленной водою земли. Послѣ этого плотины были бы уничтожены и входъ въ Аму-Дарью съ моря открытъ еще лѣтомъ прошлаго года, еслибъ необыкновенная прочность сооруженія не заставили отказаться отъ плана расчистки русла Улькун-Дарьи. Пришлось искать другой, болѣе удобный путь изъ Аму-Дарьи въ море, и теперь онъ окончательно найденъ. На него, впрочемъ, указывалъ, еще въ прошломъ году, баронъ Каульбарсъ, какъ на самый удобный. Онъ ведетъ изъ залива Туще-басъ, по протоку Куванш-Джерма и выводитъ въ Аму-Дарью близъ Нукуса. 18-го іюля нынѣшняго года, аральскій пароходъ «Перовскій» прошолъ изъ залива Туще-басъ по протоку Янги-су (Новая вода), озерамъ: Даукара и Кунградъ, протоку Куваш-Джерма и 24-го іюля вошолъ безпрепятственно въ Аму. Глубина на всемъ пройденномъ пути была не менѣе 4 футовъ.

Куванш-Джерма имѣетъ важное значеніе еще и потому, что тутъ же, у пункта отдѣленія протока отъ Аму-Дарьи, лежитъ наша, новопостроенная, въ нынѣшнемъ году, крѣпостца Нукусъ. Такимъ образомъ, выборъ мѣста для второго русскаго укрѣпленія въ Аму-Дарьинскомъ Округѣ пельзя не признать чрезвычайно удачнымъ. Сообщеніе между Аму-Дарьинскимъ Округомъ и Казалинскомъ окончательно установлено новымъ, водянымъ путемъ, чему пельзя не порадоваться; аму-дарьинскій и красноводскій путь имѣютъ для насъ весьма важное значеніе. Вопросъ о другомъ пути сообщенія между Россіей и Среднею Азіей, кажется, будетъ отложенъ въ долгій ящикъ. Только въ Ташкентѣ твердо убѣждены, что желѣзная дорога сюда будетъ проведена рано или поздно, и уже назначено близъ ярмарочнаго базара удобное для нея мѣсто.

Голосъ 1874 г. № 269.

Изъ Ташкента, *1-го сентября* (*кореспонденція «Голоса»*).—Кокандскіе безпорядки продолжаются попрежнему: счастіе то склоняется на сторону инсургентовъ и они колотятъ ханскія войска, грабятъ кишлаки (деревни) и наводятъ страхъ на самого хана, то, наоборотъ, ханскіе сарбазы одерживаютъ верхъ и инсургентамъ приходится прятаться въ горныхъ трущобахъ, какихъ немало въ Кокандскомъ Ханствѣ. Во всякомъ случаѣ, одерживаетъ ли побѣду ханъ или инсургенты, населенію приходится одинаково плохо. Оно не можетъ относиться безъ сочувствія къ дѣлу инсургентовъ, какъ къ чисто народному. Тутъ не замѣшаны ни династическіе, ни какіе другіе интересы, а просто, народъ поднимается, потому что гнётъ ханскаго правительства становится съ каждымъ годомъ все невыносимѣе. Инсургенты требуютъ уменьшенія поборовъ, того же желаетъ и народъ. Инсургенты считаютъ хана неспособнымъ, подозрительнымъ, жестокимъ деспотомъ; но развѣ весь народъ не такъ же думаетъ? И вотъ, уже три года льется кровь въ плодоносной долинѣ Фергана, которою такъ восхищался еще султанъ Баберъ.

Инсургенты недавно потерпѣли двѣ крупныя неудачи: они были разбиты ханскими войсками подъ самымъ Наманганомъ и около этого города, у кишлака Касанъ. Разбитые мятежники бросились, по обыкновенію, въ горы, съ предводителемъ киргизскимъ біемъ Мамуномъ. Они появились даже въ районѣ нашихъ уѣздовъ Кураминскаго и Ауліэ-атинскаго, такъ что понадобилось выдвинуть роту изъ Ташкента въ бывшее укрѣпленіе Тилау, изъ Ауліэ-Ата—въ горы. Тилауская рота вскорѣ была вызвана обратно, въ Ташкентъ, какъ только замолкли слухи о шайкахъ инсургентовъ. Третья, и самая существен-

ная неудача постигла инсургентовъ уже въ ауліэ-атинскихъ горахъ: ретивый начальникъ этого уѣзда, г. Геруа, бросился преслѣдовать въ горахъ перешедшія изъ Кокана шайки и успѣлъ захватить ихъ предводителя, бія Мамуна. Этимъ мы оказали хану существенную услугу.

Чѣмъ же платитъ намъ ханъ? Уже теперь ясно обнаружилось, что нынѣшній ханъ столько же ненавидитъ русскихъ, сколько и свой народъ. Народъ же коканскій оттого мнѣ кажется, и относится, во многихъ случаяхъ недоброжелательно къ русскимъ, что нелюбимый ими ханъ всегда находитъ у насъ помощь, сочувствіе и поддержку. Но если мы не захотимъ помочь народу, то инсургенты найдутъ помощь въ другомъ, сосѣднемъ владѣніи—Кашгарѣ. Якубъ-бекъ теперь остался самымъ крупнымъ представителемъ кипчакской партіи, послѣ того, какъ Худаяр-ханомъ былъ казненъ кипчакъ Мусульманъ-кулъ и убитъ Алимъ-кулъ. Якубъ-бекъ, съ самаго начала своего водворенія въ Кашгарѣ, относился недружелюбно къ Худаяру. Неудивительно, если онъ теперь воспользуется случаемъ и попытается подать помощь коканскимъ инсургентамъ.

Изъ Кашгара получено письмо отъ приказчика каравана С. Морозова. Караванъ этотъ явился въ Кашгаръ еще весной, и въ первое время о немъ не получалось никакихъ свѣдѣній. Только недавно, распродавъ товаръ, приказчики каравана увѣдомили, что ихъ торговыя дѣла идутъ успѣшно, и кашгарскія власти не только радушно встрѣтили русскій караванъ, но и помогли ему расторговаться съ барышомъ. Вообще, насколько извѣстія, сообщенныя, въ прошломъ году, Сомовымъ (приказчикомъ каравана купца Пушышева), были неблагопріятны и возбуждали общее неудовольствіе къ Якуб-беку, настолько нынѣшнія успокоительны. Можетъ быть, Якуб-бекъ хотѣлъ загладить дурное впечатлѣніе, произведенное жалобами Сомова, и дѣйствительно приказалъ оказывать всевозможную помощь и покровительство каравану Морозова. Но всегда ли это такъ будетъ и можно ли допустить, чтобъ наша торговля вполнѣ зависѣла отъ прихоти Якуб-бека? Вѣдь, въ такомъ случаѣ, русскимъ купцамъ придется постоянно заискивать расположеніе Якуб-бека, а о томъ, чтобъ требовать у кашгарскихъ властей свободы торговли, не можетъ быть и рѣчи. Итакъ, ни-

чтожный азіатскій правитель поступаетъ съ нашими купцами, какъ ему вздумается; когда же наша туркестанская администрація принимаетъ рѣшительный тонъ и начинаетъ требовать, Якуб-бекъ отводитъ грозу увѣреніями въ готовности своей помогать русскимъ интересамъ, заявляетъ о своемъ ничтожествѣ въ сравненіи съ нашимъ могуществомъ и во всемъ винитъ подчиненныхъ, которыхъ «онъ уже наказалъ», и т. п. Съ такимъ любезнымъ и кроткимъ ханомъ, какимъ является Якуб-бекъ въ письмахъ, нельзя говорить и поступать рѣшительно. А, между тѣмъ, въ душѣ онъ навѣрно подсмѣивается надъ предполагаемою имъ простоватостью русскихъ, которыхъ такъ нетрудно провести сладкими словами. По крайней мѣрѣ, у Якуба-бека слова постоянно расходятся съ дѣломъ. Только тогда, когда каждое приказаніе русскаго генерал-губернатора точно и безпрекословно станутъ исполнять на всемъ пространствѣ Средней Азіи, положеніе наше здѣсь можно будетъ назвать прочнымъ.

Надняхъ, привезена изъ Петербурга въ Ташкентъ «золотая карета» — подарокъ эмиру бухарскому. Она очень изящна, обильно изукрашена золотыми арабесками, звѣздами, надписями и т. п. Эмиръ, разумѣется, останется очень доволенъ этимъ подаркомъ; онъ уже ждетъ его съ большимъ нетерпѣніемъ. Какъ въ Кашгаръ, такъ и въ Бухару будутъ въ скоромъ времени назначены русскіе торговые агенты, не изъ безграматныхъ татаръ караван-башей, а изъ русскихъ чиновниковъ. Выборъ агента въ Кашгаръ предоставленъ начальнику Семирѣченской Области, генералу Колпаковскому. Не менѣе важенъ и постъ торговаго агента въ Бухарѣ: надобно же, наконецъ, выяснить наше торговое положеніе въ ханствахъ и прекратить игру въ жмурки. По настоящимъ свѣдѣніямъ, имѣющимся въ ярмарочномъ ташкентскомъ комитетѣ, торговля Ташкента, а слѣдовательно, и Россіи, съ Бухарой представляется въ слѣдующемъ видѣ: въ теченіи прошлаго года, изъ Бухары привезено въ Ташкентъ разныхъ товаровъ на 410,807 руб. (на 2,416 1/2 верблюдахъ, 13 лошадяхъ и 523 арбахъ). Вывезено въ Бухару и отчасти въ Зарявшанскій Округъ разныхъ товаровъ на 381,746 руб. 50 коп. (на 1,124 верблюдахъ и 438 арбахъ). Черезъ Ташкентъ въ

Бухару провезено товаровъ на 58,499 руб. 50 коп. Такимъ образомъ, по официальнымъ свѣдѣніямъ, наши торговые обороты съ Бухарой не очень обширны. Конечно, они въ дѣйствительности значительнѣе показываемыхъ официальными источниками, но все же нельзя не сознаться, что у насъ очень мало обращается вниманія на развитіе торговли съ азіатскими ханствами. Все предоставлено здѣсь на волю божію, да на усмотрѣніе малограмотныхъ приказчиковъ и довѣренныхъ торговыхъ фирмъ. Нѣтъ руки твердой и энергической, которая направляла бы торговлю, точно такъ же, какъ нѣтъ при генерал-губернаторѣ никого изъ служащихъ, кто спеціально слѣдилъ бы за русскою торговлей въ ханствахъ, изучалъ бы ее и къ которому наши власти всегда могли бы обратиться за справками и указаніями.

Голосъ 1874 г. № 313.

Изъ Ташкента, *15-го октября* (*корреспонденція «Голоса»*). — Нѣсколько русскихъ изъ Ташкента, заручившись рекомендательными письмами къ бухарскому эмиру, отправились изъ любознательности въ его владѣнія съ фотографическимъ аппаратомъ. По пріѣздѣ въ Самаркандъ, они узнали, что эмиръ выѣхалъ изъ Бухары въ Шахрисябзъ на время «уразы» (поста). 26-го сентября, путешественники отправились въ Шахрисябзъ и недалеко отъ бухарской границы были встрѣчены амлякдаромъ, высланнымъ для привѣтствованія ихъ китабскимъ бекомъ. Бекъ лично встрѣчалъ ихъ 27-го числа, выстроивъ своихъ сарбазовъ у воротъ цитадели для отданія чести. 1-го октября туристы были уже у шаарскаго бека. Въ Шаарѣ имъ устроена была торжественная встрѣча. Всѣ войска, здѣсь расположенныя, числомъ до 2,000 человѣкъ, съ знаменами, были выстроены отъ воротъ цитадели до дворца бека. Когда путешественники приблизились къ нимъ, войска взяли на караулъ и подъ звуки музыки знамена были преклонены передъ ними. У воротъ дворца встрѣтилъ ихъ самъ бекъ, Абдулъ-Керимъ-Диванибеги, старикъ лѣтъ 70-ти. 3-го октября, прибылъ въ Шааръ эмиръ. Аудіенція назначена была на 5-е октября. Наканунѣ, вечеромъ, эмиру посланы были виды Ташкента, Кокана и портреты Худояра-хана и другихъ лицъ. Утромъ русскіе путешественники, въ сопровожденіи придворнаго чиновника, отправились во дворецъ и тотчасъ же были приняты. Эмиръ выразилъ, что ему чрезвычайно пріятно ихъ посѣщеніе. При этомъ, состоящій при генералѣ Головачовѣ въ качествѣ переводчика поручикъ Бекчуричъ, принимавшій участіе въ этой экскурсіи, сообщилъ хану привѣтъ отъ генерала Головачова и все, что ему поручено было передать начальствомъ. Эмиръ отвѣчалъ слѣдующими словами: «Благодарю! Очень радъ. Мнѣ пріятно ваше посѣщеніе. Все, что видите — ваше. Будьте какъ у себя дома; осматривайте, что хотите; ѣздите, куда желаете; чѣмъ чаще будутъ ѣздить къ намъ отъ васъ и отъ насъ къ вамъ и ближе знакомиться другъ съ другомъ — тѣмъ лучше. Черезъ это только увеличатся наши дружескія отношенія, а я, кромѣ пріязни, другого желанія не имѣю». К. А. Маевъ сказалъ потомъ нѣсколько словъ о фотографіи. Эмиръ выразилъ, что это искуство его весьма интересуетъ, и предоставилъ г. Кривцову снимать все, что тотъ пожелаетъ и гдѣ угодно. По возвращеніи домой, эмиру былъ посланъ подарокъ генерала Головачова — карта, очень заинтересовавшая бухарскаго владыку. Въ тотъ же день г. Кривцовъ отправился въ цитадель снять древнее зданіе. Неожиданно для всѣхъ, вышелъ эмиръ и попросилъ г. Кривцова снять портреты съ нѣсколькихъ сотенныхъ командировъ и придворныхъ. Потомъ, осмотрѣвъ аппаратъ, попросилъ снять портретъ съ него самого. На другой день снимокъ былъ ему доставленъ путешественниками лично. Эмиръ при этомъ просилъ снять все его войско во время ученія, что и было исполнено.

Судя по послѣднимъ извѣстіямъ, путешественники собирались выѣхать, въ октябрѣ, въ Карши и Бухару. Въ Ташкентъ ихъ ожидаютъ къ 5-му ноября.